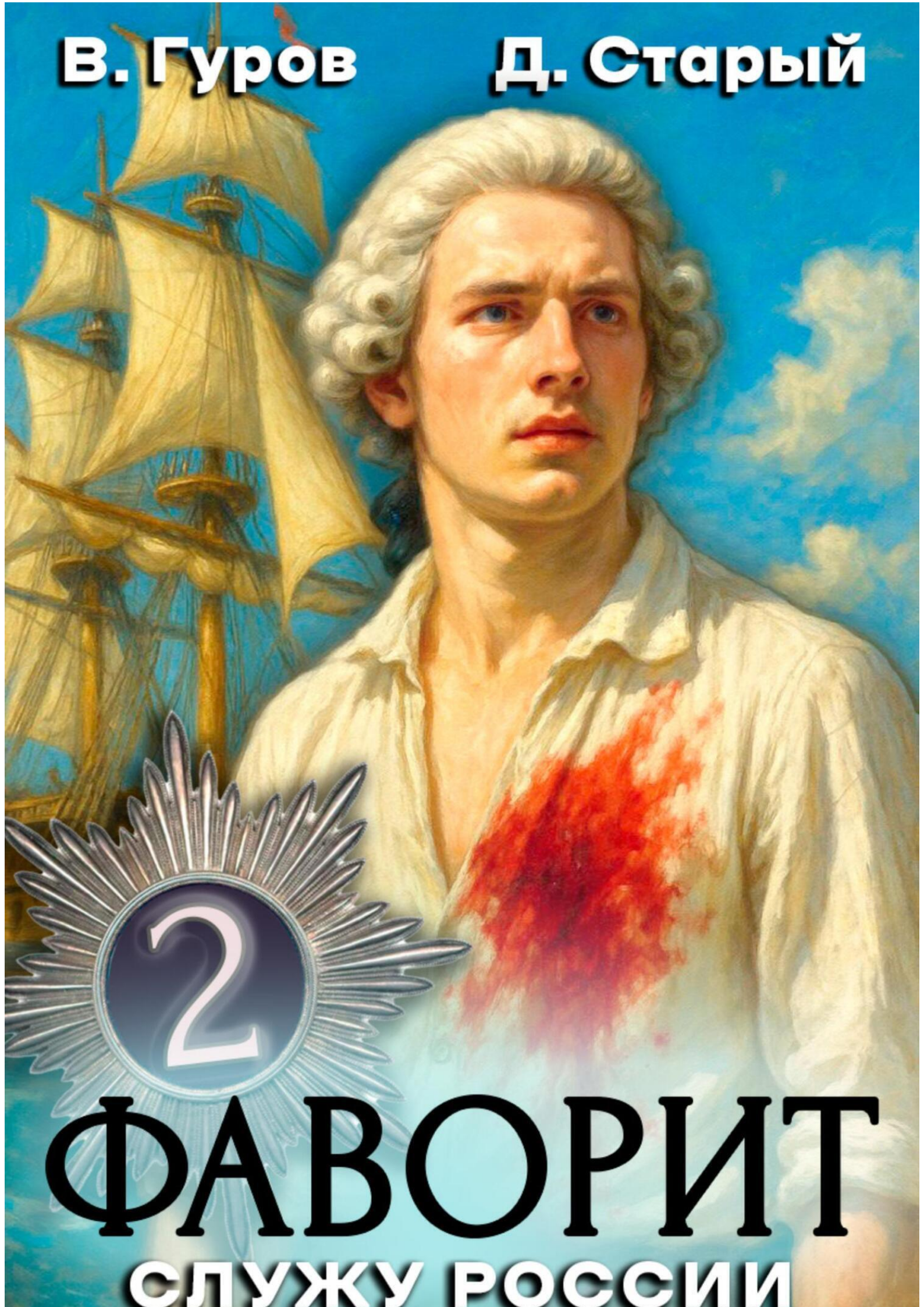

В. Гуров

Д. Старый

2

ФАВОРИТ

СЛУЖУ РОССИИ

Фаворит

Валерий Гуров

Фаворит 2. Служу России!

«Автор»

«Автор»

2025

Гуров В.

Фаворит 2. Служу России! / В. Гуров — «Автор», «Автор»,
2025 — (Фаворит)

Очнулся — кровь на лице, палуба дрожит, пушки молчат. Французы на горизонте. На фрегате паника. Капитан-француз приказывает сдаться. А я? Я ветеран. Прошел Великую Отечественную. И у меня один принцип: РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ.

© Гуров В., 2025

© Автор, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Старый, Валерий Гуров

Фаворит 2. Служу России!

Глава 1

*Нет ничего лучше, чем возвращаться туда, где ничего не
изменилось, чтобы понять, насколько изменился сам.
Нельсон Мандела*

Петербург

19 июня 1734 года

– Ты с кем разговариваешь? – спросил я, готовясь встряхнуть его и привести в сознание.

Какую бы я пакость ни сотворил, но я офицер гвардии, дворянин. Так что я не могу позволять со мной так разговаривать. Вот и пусть подумает о возможных последствиях от своего эмоционального спича.

– Неблагодарный подонок! – на английском языке, с приветливой улыбочивой гримасой на лице, произнес мужик.

– Неделью живу у тебя бесплатно за такое оскорбление, – также с улыбкой произнёс я, но поспешил добавить: – Харчуюсь также без оплаты. Воспротивишься, так и сам палками отхожу, ещё и подумаю, с чего бы ты, немец, на гвардейца Её Величества, цельного капитана Норова, русского дворянина, пасть открываешь. Нет ли крамолы на государыню?

На наш крик выбежали ещё двое рослых детин. Сходство лицами заставило меня подумать, что это сыновья трактирщика. И они были на целую голову выше своего батяни. Воображение сразу нарисовало гром-бабу, которая смогла родить таких богатырей. Успел только посочувствовать трактирщику.

– Вы? Как вы посмели? – начал было выговаривать мне ещё и один из прибежавших бугаёв, но грозный взгляд отца семейства заставил того замолчать.

– В дверях не стойте! Есть и спать желаю. А если что, то за вины свои превелико отплачу, – сказал я и двинулся вперёд.

В трактирах этого времени мне ещё не приходилось бывать, поэтому антураж был для меня в новинку и любопытен. Никакого намёка на эксклюзивный интерьер здесь заметить нельзя было.

Массивные столы, приставленные к ним лавки. По углам были заметны зонированные ширмами особые столики. Там уже стояли стулья, да и столы были покрыты белоснежными скатертями. Учитывая то, что заведение располагалось, можно сказать, в центре нынешнего Петербурга, в весьма оживленном районе, то жил я чуть ли не в одном из престижнейших мест города. Сомневаюсь, что в Петербурге много гостиниц.

– Проводите меня в мою комнату, туда же принесите еды и доброго вина! Лучше всего подогретого венгерского, с перцем! – распорядился я.

– Без оплаты так богато харчеваться? – изумился трактирщик.

– Держи, и раньше следующей недели чтобы не задавал больше вопросов об оплате, – сказал я и дал трактирщику золотой ливр.

Хозяин заведения посмотрел на меня, на монету, взял её в руки, начал крутить между пальцев. Я ждал, что он её ещё примет на зуб, вроде бы, таким образом особые знатоки определяют, настоящее ли золото, но этого не произошло.

– Марту более не обижайте, господин офицер! – умоляющим тоном попросил меня трактирщик. – Но и... я слова не скажу против. Этакие монеты глаза мне закрывают. И не увижу чего не нужно.

Ах ты гад какой! Не видел я еще Марты, не понимаю до конца, какие у меня могут быть отношения с ней, но тут уж и без того ясно – отец продает свою дочку.

Видимо, мне теперь придётся расхлёбывать повышенную сексуальную активность моего реципиента. Учитывая то, как внутри меня бурлят гормоны, справиться с их потоком может только особо терпеливый человек.

И даже мне, бывшему столетнему старику, крайне сложно совладать с буйством организма. Чего уж тут говорить про девятнадцатилетнего парня, ещё и весьма приятной наружности, который не должен ощущать недостатка в женском внимании.

Золотая монета резко охладила пыл трактирщика, и он уже не без удовольствия проводил меня в примыкающее к трактиру соседнее здание, где мы поднялись на второй этаж.

– Не гневайтесь, господин офицер, но прибытия вашего не ожидали, и в комнате не прибрано, – сказал хозяин этого, так сказать, гостинично-ресторанного комплекса. – Нынче же Марту разбужу, дабы пришла прибраться. А у господина хватает серебра, чтобы ещё и долг выплатить? И Марте бы за прибранное доплатить?

– С собой золота немного. Не буду же я при себе таскать много денег, – соврал я.

На самом деле у меня было с собой не много, а очень много денег. Пятьсот золотых – это столько, что я могу купить все заведение, в котором сейчас нахожусь. Ну и прикупить себе людей, что сейчас передо мной. Вот только нужно ли об этом сообщать? Сокровища, если они ещё и плохо лежат – это то, что может у человека не только отключить инстинкт самосохранения, но и блокировать все морально-этические установки.

Комната была... М-да... Маленькой, как та каюта капитанская, где лишь спать можно, но ничего более. Может, мне улучшить свои жилищные условия? Нет, преждевременно сейчас сорить деньгами. Мне еще предстоит немало чего приобретать. И не факт, что лошади, что были мной затрофеены, придут ко мне.

Я все добро в виде трофейного оружия, своих личных семи коней, часть денег и предметов, что могут быть проданы – всё это оставил на сохранение полковнику... уже, так получается, генерал-майору Юрию Федоровичу Лесли. Достаточно ли данного им слова, что все это ко мне и вернется? И хватило ли для платы за сохранность вещей подарка в виде лучшего жеребца и украшенной офицерской шпаги француза?

Вынужденная мера, так как пока я не мог всё перевезти с собой.

Неожиданно дверь распахнулась, и мне на шею бросилось что-то приятное, мягкое, рыжее. Сперва чуть было не сработали одни рефлексy, когда я дёрнулся перехватывать девичью руку, чтобы провести болевой приём. А потом проснулись другие инстинкты.

Хотелось... Да чего уж там самого себя обманывать? Даже очень захотелось. Но я нашёл в себе силы, взял девушку за плечи и чуток от себя отодвинул. Не пожелай я полюбоваться, насколько хороша лицом барышня, то не получилось бы разлепить объятия.

Хороша. Вот ей-богу, хороша! Даже со всеми скидками, что моему организму почти и не важно, кого этого...

– Я рада, что ты есть! – с акцентом сказала девушка.

– Я есть, не могу не есть! – отшутился я, увидел сморщенный лобик девушки, что пыталась проникнуться моими словами, усмехнулся и добавил: – Говори на немецком!

– Ты же на мне женишься, как обещал? Ты же для этого вернулся? – спросила девица, а я чуть было не поперхнулся.

Красавица, да ведь я вас не знаю совсем.

– Нет. Жениться на тебе я не предполагал никогда, – мне стало жалко девушку, но лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Видно, браваый гвардеец решил обещать всё, что угодно, лишь бы только заполучить себе в награду такое прекрасное женское тело. Но теперь перед нею – новый Норов.

Она была слегка полновата, между тем, по местным меркам могла считаться даже худышкой. Милое девичье личико, кудрявые рыжие волосы, сопутствующие женской красоте выпуклости. Такая дамочка не может не нравиться. И недаром даже барон знаком с Мартой, вот только благосклонности её не добился.

Выходило, что она своего рода достопримечательность, на которой обламывают свои зубки самые похотливые зверьки Петербурга. А я как раз-таки тот зверёк, который раскусил этот орешек. Но что мне со всем этим делать? Нет, одна мысль всё никак не покидала мою голову, признаться, только именно эту часть тела...

– Ну же, чего плачешь? – сказал я, приобнимая девушку за плечи. – Теперь я буду с тобой предельно честным. Ты очень красивая, даже слишком красивая. И что сказано, что сделано, уже не вернёшь.

– Я готова быть для тебя той, какой назначишь. Хочешь, хоть в крепостные пойду к тебе? – всхлипывая, дрожащими губами говорила девушка.

– Не надо. Просто давай жить! – говорил я, а внутренний зверёк превращался в зверя, начиная ожесточённую борьбу с моей совестью и моралью.

Нет, не будь у меня в прошлой жизни в потомстве почти что одни девчонки, кинулся бы сейчас на эту рыжую, пообещал бы ей луну сорвать с небосклона, лишь бы только она подарила эту ночь, а следующей ночью пообещал бы солнце, но только чтобы продолжить. Но нет, жениться на подобной девице – это сразу же многократно понизить свой социальный статус. То, что можно было сделать Петру Великому, когда он венчался с Мартой Скавронской... Кстати, тоже с Мартой... Этого делать мне нельзя.

Брак, если это, конечно, не по огромной любви – дело политическое. Я так и не знаю, кто мои родственники, если они вообще есть. Это нужно узнать, буду в расположении полка – попробую добиться всех сведений, которые должны быть на меня у секретаря. Но уже понятно, что если я капитан, да ещё и гвардеец, если в какой-то мере обласкан, пусть и ситуативно, императрицей, то нужно думать о таком браке, который бы двигал бы меня вперёд, а не создавал новую порцию проблем.

– Так ты меня отвергаешь? – Марта поменялась в лице, оступила на два шага назад.

Её лицо исказила злобная гримаса. А девочка-то с характером! Любовь любовью, а норов свой показывает.

– Я не отвергаю тебя, но хочу, чтобы ты всё понимала, чтобы между нами не было лжи. Хочу ли я возлечь с тобой? Очень, – продолжал я рубить правду-матку.

– Вот ещё! Не бывать этому более! – выкрикнула девица, а из ее глаз покатались слёзы.

Марта развернулась и, в чём была, в ночной рубаше с накинутым капотом, выбежала из моей комнаты.

Может, и нужно было отключить в себе старика, оставить молодого парня, будучи которым, я уже проверял бы кровать на прочность в компании с огненной бестией. Нет, не хочу этой девочке всю жизнь поганыть. Но мне, вполне возможно, ещё придётся многие судьбы ломать. Не стоит этим пользоваться и увлекаться там, где не обязательно.

Через полчаса принесли еду. Несмотря на то, что золотая монета – это огромные деньги, ел я варёную курицу да заедал уже затвердевшим хлебом. Пиво было... не очень. Явно что только-только сваренное, даже теплое – не настоялось. Всё-таки в будущем, пусть и на основе химикатов, пиво было вкуснее.

И тут ужменя стало клонить в сон, бороться с этой напастью было исключительно невозможно. Да и зачем, если есть кровать, если есть ортопедический матрас – ткань, внутри которой запихали солому, а визуальный осмотр спального места не выявил клопов.

* * *

Петербург

19 июня 1734 года

Лишь только кажущееся добродушным лицо, буквально исполосованный морщинами лоб, пролысина и, в целом, редкие волосы... Это всё то, что было видно мужчине, вошедшему в кабинет к одному из самых влиятельных людей России.

Андрей Иванович Остерман часто уходил в себя, на некоторое время задумываясь и создавая порой долгие, неудобные паузы в разговорах. Конечно, лишь только с подчинёнными либо с людьми, которых он не считал себе равней. Подобное поведение в присутствии императрицы или же высших сановников попросту недопустимо.

Вот и сейчас кабинет-министр, ведающий иностранными делами, смотрел на вошедшего с некоторым недоумением. Остерман как раз составлял свой рабочий план на ближайшую неделю. И всегда он это делал лишь в гордом одиночестве, продумывая каждый шаг и раскладывая все вероятные события по полочкам.

Но пришедший к нему молодой немецкий дворянин был послан графом Рейнгольдом Лёвенвольде. И обер-гофмаршала, своего единственного союзника по внутри дворцовым интригам, Остерману игнорировать было не с руки. В конце концов, Андрею Ивановичу Остерману во многом благодаря Лёвенвольде всё ещё удастся быть на вершине власти, несмотря на то, что граф Бирон спит и видит, как бы скинуть их обоих.

– Что у вас? – на выдохе, даже не скрывая своего пренебрежения, спрашивал Остерман.

Разговор, что удивительно, Андрей Иванович начал на русском языке. Это граф Бирон уже четвёртый год учит русский язык, да всё никак не отделается от жуткого акцента. Остерман же был более способным к языкам, да и ко всему остальному, кроме, может быть, к тому, чтобы получить доступ к телу императрицы.

Случись и такая оказия, и Остерман был бы ещё и статным красавцем, то Россия познала бы, возможно, самого совершенного фаворита в своей истории, никем непотопляемого, никем не убиваемого. Но ко всему этому мудрого изворотливого – царя всех плутов.

– Можно говорить на немецком языке? – спрашивал вошедший, а Остерман жестом показал, что он не против. – Я находился у Петергофа, отслеживал тех, кто приезжал к государыне. По воле своего господина это делал. И появился весьма любопытный гвардеец.

Остерман сначала небрежно кивнул.

– Я знаю, что господин Бирон отлучался от матушки-государыни для встречи какого-то гвардейца. Весьма вероятно, что и не гвардейца вовсе, а тех реляций, что он везет. Герцог всегда старается перехватить хорошие новости... Немудрено... – теперь хозяин кабинета подбрался, понимая, что информация для него может быть важной. – Продолжайте!

Слуга Лёвенвольде рассказал, как уже давно подкупил одного из слуг Бирона, чтобы узнавать информацию. И этот информатор рассказал о гвардейце-измайловце, и что тот вез огромные сундуки с золотом.

Толь всячески набивал себе цену, раздувая щеки. Андрей Иванович же не мешал гостю пыжиться и важничать. Пусть рассказывает хоть в какой манере, главное – дело. Мало ли, и этот человек Лёвенвольде пригодится самому Остерману. И ведь ясно, почему так откровенничает Толь. Лёвенвольде все чаще чувствует недомогания, вот и ищет гость нового хозяина.

– Матушка-государыня в своей манере была? – уточнял Остерман, что-то начиная записывать на чистый лист бумаги.

– Да, но весьма благодушна к гвардейцу. Я не знаю, чем его одарили, попытался об этом расспросить самого гвардейца. Я предполагал его сопроводить в Петербург... – Толь замаялся.

Он не хотел рассказывать о том, что в какой-то момент испытал даже страх перед гвардейцем. Порученец Лёвенвольде тогда почувствовал, что этот гвардеец не то что не испугался – он был готов действовать очень жёстко, к чему Толь не привык. Силовые методы были не для

порученцев, чаще всего он занимался договорённостями, разговорами – и имел исполнителей в кровавых делах.

– И вы были вынуждены ему уступить. Вместо того, чтобы добром сопроводить этого гвардейца до места назначения, узнать, кто он, где и с кем проживает... Вы отдаёте себе отчёт, Толь, ведь императрица могла наградить его сразу и генеральским чином! С неё останется. И что интерес к герою со стороны Бирона – это и наш интерес! – отчитывал Остерман даже не своего человека, а порученца союзника.

Связка Остерман – Лёвенвольде была весьма сильна и при дворе, и за его пределами. Остерман знал, что возлагаемая Бироном надежда на Ягужинского, назначенного генерал-поручиком, как на человека, способного противостоять им, Лёвенвольде и Остерману, не оправдалась. Знал, что сейчас герцог Бирон ищет иных таких людей.

И вот, когда Ягужинский стал сильно сдавать по болезням, когда Бирон ещё не вытянул из небытия фигуру Артемия Волынского, появляется некий гвардеец Измайловского полка, который не так давно воевал под командованием Миниха и был им же послан в Петербург.

– Передайте своему господину, что я сильно обеспокоен тем, чтобы не произошёл союз между Минихом и Бироном. Этот гвардеец мог бы стать поводом для их сближения, – сказал Остерман с задумчивым видом.

– Но... примирить Миниха и Бирона невозможно! – с чувством воскликнул порученец.

На секунду повисла тишина, которую можно было бы даже счесть и оскорбительной.

– В этом мире нет ничего невозможного, когда на кону стоит власть! Нельзя исключать никаких вариантов развития событий, – поучал принесшего новости Андрей Иванович.

Быстро написав письмо своему союзнику графу Лёвенвольде, Остерман отпустил порученца. При этом, как и положено, наградил его сразу двадцатью рублями. Невесть что, но эта информация не стоила большего. Но она не стоила и меньшего. Тем более, прозвучали намёки, что если и дальше Толь будет приносить важные новости, то суммы вознаграждения могут увеличиваться.

Остермана нельзя было назвать самым богатым человеком России, впрочем, никто доподлинно и не знал, сколько у него денег. Да, Андрей Иванович не был таким скупердям, как один из богатейших людей России кабинет-министр Головкин. Но и выпячивать своё богатство Остерман никогда не спешил.

Порученец графа Лёвенвольде ушёл, а Андрей Иванович вдумчивым, удивительно аккуратным движением порвал бумагу, на которой уже был набросан план на ближайшую неделю. Внутреннее чутьё одного из главных интриганов Российской империи говорило о том, что весьма непросто может быть этот визит гвардейца к императрице.

Государыня сильно падка на все блестящее, особенно на золото. Кроме того, если этот гвардеец ещё и русский, то на фоне усиливающегося глубинного противостояния засилью немцев, измайловец может достаточно быстро возвыситься. Это же должен понимать и герцог Бирон.

Никогда Андрей Иванович Остерман не действовал быстро и решительно. Все его поступки, все его интриги были всегда исподволь, практически незаметными. Так что и теперь Андрей Иванович решил, что нужно лишь издали присмотреть за гвардейцем, понять: может быть, он, Остерман, нынче дышит на воду, а гвардеец собою ничего не представляет? Так... Вспыхнула звездочка, да сразу и погасла.

Задумавшись, он даже повёл рукою, будто пытался поймать исчезающую звёздочку. Поймать и под лупу.

Однако ж важно понять, а чем же наградила государыня такого героя. Если измайловец получил хотя бы чин майора, то он уже становится определённой фигурой. Тем более, что, как Андрей Иванович понял из рассказа Толя, проявлял несколько глупости и наивности, но был при этом даже и слишком молод.

– Молод. Статен... Пригож и мужественен... А что если... – недобрая ухмылка появилась на лице, а морщины задумчивости на лбу несколько разгладились.

В голову непотопляемого интригана пришла одна, как ему показалось, интересная мысль. Идея эта может и изрядно напугать саму императрицу, и вновь сделать Андрея Ивановича Остермана нужным для российского престола. Может быть, даже его спасителем – хотя это уж и вряд ли.

– И невозможное возможно! – произнёс Андрей Иванович и с энтузиазмом стал разрабатывать новый план на следующую неделю.

Он решил быстрее написать бумаги, а после начать действовать. За гвардейцем нужно проследить. По крайней мере, важно убедиться, не начал ли Бирон очередную игру. С графа-курляндца станется, ведь он истинно неугомонный.

– Был бы еще и умным Бирон, так горе было бы всем нам! – вслух озвучил свои мысли Остерман. – С таким-то рвением... Все не уймется курляндец. И явно с этим гвардейцем что-то задумал... Но что? Узнаем, вряд ли нечто сложное.

Сложив листы бумаги, Остерман отпил уже давно холодный кофе, поморщился, «родил» еще одну морщину на своем многомудром лбу и направился к своему человеку, ответственному за оперативную работу.

Шальная мысль пришла в голову Остермана, да и не одна, нужно только выяснить, является ли гвардеец тот человеком Бирона или Миниха.

Глава 2

*Я не могу дождаться возвращения домой (где бы он ни был),
в кровать, невротичный, плохо питающийся и жалующийся, какая
дерьмовая погода.*

Курт Кобейн

Петербург

20 июня 1734 года

Проснулся я с первыми петухами. Удивительно, что в Петербурге так много петухов! Нет, ни в коем разе я в данном случае не применяю уголовную лексику. Птиц здесь много. Более того, из приоткрытого окна я даже слышал мычание коровы. Вот так, в центре столицы Российской империи пасутся коровы, кричат петухи, бегают курицы... И это нормально.

Я встал и, оставаясь в одних штанах по типу лосин, решил размяться. Если этот предмет гардероба меня уже переставал смущать, так как был практически полностью покрыт сверху камзолом, то сейчас я и вовсе воспринимал своё одеяние как какой-то элемент спортивной формы. В будущем и мужики, и девушки в занимались в этих самых тайтсах в спортивном зале – и нормально, никого не смущало.

Три подхода по тридцать отжиманий, немного нагрузки на пресс. Приседания, причём, на одной ноге, держась за стену. Бой с тенью – примерно сотня ударов по мужику, которого я только представлял перед собой. Это была зарядка, которая должна начинать каждый день. А вот где тренироваться всерьёз – это большая проблема!

Когда я уже и сам думал выглянуть из-за двери и крикнуть, чтобы принесли какое-нибудь ведро с водой, чтобы умыться, в дверь постучали.

– Ваше благородие, это Кашин! Вы там? – услышал я из-за двери.

– Тама! – усмехнулся я и подошёл к двери.

Я убрал приставленный к дверному проёму стул, предварительно сняв с него жестяной поднос, открыл дверь. Если бы ночью кто-нибудь рвался в мою комнату, то грохот от падения стула и жестяного подноса обязательно разбудил бы меня, и я смог бы хоть что-то сделать в свою защиту.

Вот такая вот система местной, местечковой сигнализации.

Да, может быть, у меня теперь и преувеличенное ожидание неприятностей, но всегда лучше быть готовым к неожиданностям, чем впоследствии упрекать себя же, что не проявил бдительность. И потом, это, как ни крути, дисциплинирует.

– Это хорошо, что ты меня нашёл. Вещи мои целы?

– Разве же сложно сыскать вас! Все уже знают, что у вас была симпатия с Мартой. Я был вчера в полку. Говорят там и иное... Что вы, ваше благородие, уже не благородие, а высокоблагородие! Бают, что капиатном стали, – с лукавой усмешкой говорил мне сержант.

– Чтобы я от тебя больше не слышал ни о Марте, ни о других девицах, если я не спрошу. Спускайся в трактир, закажи позавтракать!

– Лепёшки с салом? Я видел, как Франц их печёт. Уж больно смачно дурманят, – Кашин аж глаза закатил.

Я подумал о том, что это вредная еда, что стоило бы её избегать, но почему-то сегодня хотелось съесть какой-нибудь гадости типа беляша, чебурека, оладий с салом. Так что я дал свое добро, чтобы Кашин заказал на нас сразу двойные порции. Самый главный приём пищи – это завтрак. Бог его знает, получится ли где-нибудь ещё пообедать или поужинать. Но уж явно голодными мы не будем.

А день обещает быть нелегким. Мне предстоит и дальше вживаться в обстоятельства, отыгрывать роли, продолжать чужую жизнь делать своей. Пока это получается.

Но что ждет впереди, непонятно! Нужно сделать шаг вперед, чтобы узнать, что ждет впереди. И ни шагу назад, там я уже был и возвращаться к прошлому, конечно, можно и нужно, но лишь в своих мыслях.

Мы вкушали эту жирную еду, но, как и многое вредное, она казалось ну очень, просто преступно вкусной. Ели и разговаривали, как устроена служба в Измайловском полку. Говорил, в основном, Кашин, мне его, словоохотливого, нужно было только подтолкнуть к нужной теме. И тогда сержант словно забывался, с упоением рассказывал, не пропуская даже мелочей. Словно та сила, что закинула меня сюда, давала через Ивана Кашина такой вот справочный центр.

Это не армия – это бардак. По крайней мере, невозможно понять, как вся эта система может работать. Прежде всего, разговор велся про гвардейский Измайловский полк. Элитный полк, третий по значимости в Российской империи. Что же тогда должно твориться в армейских полках?

Как можно обучать солдат, как и вовсе наладить дисциплину, если офицеры, да и сами солдаты, квартируются кто где... Да, рядом с Адмиралтейским островом расположены три одноэтажных, но длинных дома, своего рода казармы, где проживают только лишь солдаты.

Но ведь все остальные живут по трактирам, квартирам, частным домам, да где придётся. Было сказано, что Измайловский полк должен быть расквартирован недалеко от Адмиралтейского острова. Так это и делается – но без всякой системы.

– Ваше высокоблагородие, неужто запамятовали, где канцелярия полка находится? – спрашивал Кашин.

Сержант сегодня утром что-то очень много спрашивает меня, почему я забыл то или иное. Мол, забыл я ещё и о том, что, оказывается, Густав Бирон не стал, по сути, командовать Измайловским полком, что он всего лишь один из трёх майоров, правда, с приставкой «премьер». Это означало, что брат фаворита императрицы – главный майор, но даже не подполковник. А ведь на приёме у государыни звучало, будто бы Густав – самый главный человек в гвардии.

И вновь мне приходилось больше слушать, чем спрашивать. Но почему он мне всё так безропотно пересказывает? Всё-таки не такой он и глупый человек, чтобы не увидеть различие меня нынешнего от того офицера Норова, которого он знал раньше. Если бы эти различия не нравились сержанту, то, наверное, ему в голову могли ползть и разные мысли. Мало ли, может, я бесноватый. Но пока что он хоть и руками всплёскивал, а пояснял.

Я нашёл-таки секретаря полка, так сказать, оперативного командующего Измайловским полком. Не было, оказывается, на месте никого, кто был бы старше капитана. Ну и назначили бы меня исполнять обязанности командира полка! Так нет, это недопустимо. Такая чехарда с командованием связана с тем, что был ряд лиц, которых назначали офицерами гвардейских полков лишь номинально, эти люди как бы почётную должность получали. А многие офицеры теперь на войне, часто в роли порученцев и с особыми миссиями.

– Не запылелся ли, господин Норов, явился? А что на службу приходишь в столь поздний час? Капитанам и вовсе ходить на службу не нужно, иль у матушки-императрицы нарекли по-иному, в родственники кому подалися? – сидящий за столом мужик оказывался не в меру словоохотливым.

Я только ещё обдумывал форму приветствия, которой должен был представиться, как он уже выдал целую тираду с не очень уместными намёками.

– Прошу обращаться ко мне уважительно! – сказал тогда вместо «здрассте» я.

– Возвернёшь долг, то и уважительно будет. А пока... Хоть бы и капитаном назначили...

– пробурчал секретарь что-то записывая в тетради. – Ну вот... Мазанул в документе...

Казалось, что он сейчас расплатится, поставив кляксу. Особо жаль чинушу, правда, не было. Всё всплывают какие-то грешки моего реципиента. Вот теперь долги...

– И сколь я задолжал вам? – спросил я.

– А то запамятовали, господин Норов? У меня давеча, перед отбытием вашим, три рубля брали. И будет вам в кости играть! Жалование на год вперед проиграли... У капитана, и то поболее денег будет... – с немалой долей иронии говорил секретарь.

Не сказать, что три рубля – это огромные деньги для моего нынешнего финансового состояния. Но всё равно неприятно. В сущности, если добавить ещё рубль, то выйдет мой месячный постой в трактире.

Я залез в свой внутренний карман, нащупал там три кругляша, из наиболее крупных. Это из-за них пришитые не так давно карманы отвисали. Передал деньги секретарю.

– И запомните, что Норовы всегда платят по своим долгам! – торжественно произнес я.

Прямо-таки Ланнистер из произведения Мартина «Песнь Льда и Пламени». Эти тоже всегда говорили с тем, что по долгам платят.

– Скажу эту шутку иным! – улыбнулся секретарь. – Будет вам, Александр Лукич, смешить меня. Но коли сказали то, с чем и дале думаете жить, то ещё рублей двадцать заготовьте. Мойже быть, и хватит со всеми долгами расплатиться.

Ясно, значит, не впервые он, то есть я, брал да не расплачивался. Что ж, полезно знать, но больше такому не бывать.

– Благодарю вас. Если кому я должен, отправляйте ко мне, расплачусь со всеми! – заявил я, уже успев обматерить мысленно своего реципиента.

– Так и поступлю. Но иное дело есть. С первыми петухами прибыл вестовой из Петергофа с вашим назначением... Выслужились, стало быть. Вот и по долгам в коем веке платить вздумали... На войну отбыл один Норов, там его подменили – и вернулся иной? – задумчиво, но с какой-то игривостью размышлял вслух секретарь.

Я улыбнулся.

– Рядом со смертью побывал, много я передумал, вот и стал иным, – как можно более бодро сказал я.

Однако в какой-то момент мне пришлось даже внутренне содрогнуться, благо что внешне не показал признаков волнения. С другой стороны, люди могут какие угодно найти объяснения моим изменениям, но докопаться до правды не получится. Мне придётся хранить внутри себя величайшую тайну, далеко и глубоко ее затолкать. А ещё лучше, чтобы я и сам забыл о том, кто я есть на самом деле. Тогда никакая Тайная полиция не откопает... Впрочем, если я забуду, то как я буду мир изменять? Мое главное оружие, мои инструменты – это мои знания. Эх, сейчас быдоступ в интернет!.. Но кое-чего и без сети знаю, а всё и сразу мне и не нужно.

– Назначение ваше я принял, токмо начальствующее лицо его не затвердило. Никого и нету нынче в полку, старше чином капитана. Посему и надлежит вам со своим плутонгом...

Ввиду того, что из двух плутонгов по числу один только и возвернулся с войны, секретарь сразу же объединил всех солдат в одно подразделение. Тут, почему-то, начальствующего лица не потребовалось.

– Посему с плутонгом тем и отбыть следует до Тайной канцелярии розыскных дел. Пополудни быть там! – тон секретаря менялся с каждой фразой от сожалеющего о потерях среди моих солдат до предельно строгого, когда прозвучало предписание по службе.

– Спаси Христос, Иван Карлович! – сказал я, взял из рук секретаря маленькую, даже очень маленькую бумажечку с предписанием, развернулся и вышел.

С такими чиновниками нужно всегда иметь хорошие отношения. Они зачастую персонажи гадкие, способные на мелкие пакости. Там не записал, там поставил в конец списков – и начинаются палки в колеса. Так что распрощался я с благодарностью и вежливо.

Следовало бы немного подумать о том, чем именно занимается гвардия и Измайловский полк в частности. Я и ранее уже об этом знал. Уж про службу Кашин рассказывал много, и даже не нужно было хитрить, чтобы вытягивать из него информацию.

Если исправно нести службу, что, на самом деле, не так уж и часто дергают. Может, из-за этого и получается, что в гвардии возможно создание пьяного вертепа. Это же как с солдатом, который не занят делом. Он тогда потенциальный дезертир. А когда нужно махать лопатой «отсюда и до обеда» или пожелтелую траву красить в зеленый цвет, так и мыслей о нарушении дисциплины не возникает.

Но что нужно, так это приходить каждое утро сюда, в полковую канцелярию. Тут же, до полудня, секретарь выдаёт поручения, если они есть. Может выдавать и не секретарь, да и вовсе это не его задача. Но командирского состава как такового нету, следовательно, когда начальства нет, то главным учреждением становится уборщица, в нашем случае, секретарь.

Густав Бирон отправился на войну, должен был присоединиться к дивизии Ласси. Кстати, это тоже такой момент, что-то из разряда придворных интриг. Густав Бирон ни в коем мере не хочет подчиняться Миниху, поэтому добивается назначения хоть к кому-нибудь, но только не к фельдмаршалу-саксонцу. Гвардейский подполковник Джеймс Кейт, этот будущий предатель, что в иной реальности переметнулся к Фридриху Прусскому, тоже где-то на войне.

И что удивительно, пусть кошки и убежали из дома, но мыши не пошли ещё в пляс. Какой-никакой, но порядок соблюдается, и пусть секретарём, но назначения выдаются. Или это только со мной так? А где-то уже пьют и кутят иные гвардейцы?

– И мундир пошейте новый. Этот уже никуда не годится, господин капитан! – когда я уже выходил из кабинета секретаря, услышал в спину. – Вы же капитан! А в мундире унтер-лейтенанта

Шпильку я пока что пропустил мимо ушей, а пошиться нужно, это да. Ещё бы узнать, где. Впрочем, секретарь вовремя поправился, переведя суть сказанного лишь в то, что мой мундир не соответствует чину.

Я вышел из кабинета, в коридоре стоял Кашин по стойке смирно.

– Собирай плутонг, пойдём в Тайную канцелярию! – сказал я.

Кашин, демонстрируя неплохую строевую подготовку, развернулся и пошагал прочь.

Где находились мои бойцы, я не знал. Ну, для этого у меня и есть сержант. Повесить бы его до какого-нибудь подпоручика. Будет такая возможность, обязательно поспособствую.

Я вышел во двор небольшого деревянного дома, который служил чем-то вроде штаба Измайловского полка, вдохнул свежего после дождя воздуха. Всё же привык я к различным запахам, тем более к сравнительно не пахучему специфическому аромату конского навоза. Его тут было завалишь. Так что дискомфорта не почувствовал. Ну а порядок... Вот почему территория части не убрана?

Минут семь мне пришлось подождать, пока Кашин не привёл остальных бойцов. У меня складывалось такое впечатление, что я не видел их, может быть, месяц или два. Так бывает, когда с людьми переживаешь очень волнительные события, а потом хотя бы на два-три дня расстаёшься. Ну а то, как мы успели повоевать, получилось весьма волнительной перипетией. Может быть, только чуть-чуть меньше, чем-то, что я пережил на аудиенции у императрицы.

Мы шли, периодически посматривая вокруг. Вот коза... Конь пасется, недалеко сразу три коровы. Столица! Впрочем, я так же мог пройтись по столице будущей России, и встретить там же и козу с большими губами, и увеличенными иными частями тела, и коня, жеребца, который с этой козой... Лучше уж животных наблюдать.

По меркам Петербурга будущего, этот город мне казался крайне маленьким, да ещё вокруг сплошные службы. Вот и не пришлось долго идти, чтобы прибыть в Тайную канцелярию.

– Отчего так долго? – человек в неприметном платье принялся меня отчитывать.

– Сударь, потрудитесь быть вежливым к капитану гвардии ея величества, – вынуждено отвечал я.

Вынуждено, потому как ни с кем не хотел ссориться, тем более с представителем Тайной канцелярии. Между тем, даже если лень, даже если не хочется, вопреки тому, какие последствия меня ожидают, и если люди даже знали прежнего Норова, я должен пресекать любые попытки будь как поставить под сомнение мою честь и достоинство.

– Норов? Вы чего? – удивлённо спрашивал Шимохин.

– Нынче, господин Шимохин, уже гвардии капитан Норов, – шепнул, вроде бы так, чтобы я не слышал, Кашин сотруднику Тайной канцелярии.

Некоторых, может быть, и большинство служащих этого ведомства я заочно уже знал. Кашин с упоением рассказывал многочисленные истории, связанные со службой. Естественно, я его никогда не останавливал и был верным слушателем, мотая на ус то, что мне нужно было для социализации в этом мире.

Так, к примеру, из рассказов сержанта я узнал, что в Тайной канцелярии работает всего лишь горстка людей. Явно меньше двадцати. В Московском отделении так и вовсе три или четыре человека.

Казалось бы, что могут сделать эти малочисленные сотрудники? Но делали не только они. Каждодневным силовым прикрытием для Тайной канцелярии служили гвардейцы. Не проходило и дня, чтобы не было наряда на службу в Тайной канцелярии. И чаще всего эти наряды приходили в Измайловский полк. Как и сегодня.

Так что хватает и одного канцеляриста, чтобы, к примеру, кого-то арестовать.

– Господин Шимохин, что у нас на сегодня? – спросил я, ввергая сотрудника Тайной канцелярии в задумчивость.

Наверняка и слова я использую не совсем те, которые от меня ожидаются, и манера поведения не соответствует той, к которой канцелярист привык. Это те люди, которые меня окружают, уже как-то привыкли ко мне. Как я пару раз подслушал, подчинённые мне солдаты даже рады были изменениям, произошедшим со мной.

Мы направлялись теперь с Шимохиным в один из трактиров, наверное, и вовсе первое подобное питейное заведение в Санкт-Петербурге. Когда-то по приказу Петра Великого здесь, на Адмиралтейском острове, трактирщик Милле и основал любимый трактир первого русского императора. От того трактира, где я был на постое, этот находился невдалеке.

Остановившись у входа, Шимохин решил дать инструкции да рассказать, зачем мы здесь вовсе находимся.

– Помощник хозяина трактира вчера монету о стол бил, с ликом матушки императрицы. Его потребно скрутить, связать и доставить в Тайную канцелярию для дознания, – с видом превеликого начальника проговорил Иван Никодимович Шимохин.

Это выглядело даже несколько смешно. Лысоватый, низенький, с изрядным животом, Шимохин и так имел вид комедийного персонажа. А когда он ещё пытался важничать – так и вовсе мне приходилось сдерживаться, чтобы не засмеяться в голос.

Признаться, такая работа мне не очень нравилась. Понимаю всю абсурдность обвинения, что какой-то дурак по пьяни мог лупить монетой о стол, может быть, при этом требуя выпивки. И кто-то же пришёл в Тайную канцелярию, дабы провозгласить заветные два слова – «Слово и дело», предполагающие, что пришедший стукач знает что-то, что является делом государственной важности. Учитывая то, что вся система самодержавного правления укладывается в фразу, сказанную французским королём: «Государство – это я», – то любая крамола в сторону императрицы и есть дело государственной важности.

– Тайники! – заорали в трактире, как только мы переступили порог питейного заведения.

– Лови их! – заорал тогда и Шимохин, но отчего-то не побежал хватать хоть кого-нибудь.

Вот для этих дел и нужны были мы.

– Ваше высокоблагородие? – вопрошал ко мне Кашин.

– Ловите! Чего уж тут, коли надо! – несколько обречённо сказал я.

И началась катавасия, достойная ещё чёрно-белых кинокомедий, где людей веселили погромами и нелепыми драками.

Ну не к лицу мне, гвардии капитану, бегать за людишками! Так что некоторое время я стоял и только наслаждался, будто бы находился в кинотеатре или смотрел спектакль.

– Бах! – подняв пистолет кверху, я выстрелил в потолок. – Всем стоять! Кто дёрнется – стреляю!.

После моего крика все встали, замерли на местах.

– Кто тут этот?.. – я и забыл имя злостного преступника, на задержание которого был послан целый плутонг геройских гвардейцев.

Стоявший, а скорее, прятавшийся за моей спиной Шимохин быстро вычленил из толпы нужного человека и указал на него пальцем. И даже не вышел вперед, а всё так же скрывался за моей могучей спиной. Всё это выглядело, будто отец ребёнка пришёл на разборки в песочницу, и сын, прячась за всемогущим папой, указывает пальчиком на девочку лет четырёх, которая сыпала на мальчика песком.

Между тем злостный преступник, которым оказался явно деградирующий мужик, и сейчас пребывающий в зыбком нетрезвом состоянии, был повязан. И уже с ним мы направились обратно в Тайную канцелярию.

Грязная работа. Выпивоха, поддерживаемый за локотки гвардейцами, был ни жив ни мёртв. Он рыдал, молился, а потом и вовсе обмяк, смирился, бедолага, со своей участью и лишь периодически делал попытки шагать, больше скребя землю старыми штиблетами, не больно-то и помогая гвардейцам, которые практически несли мужичонку.

Да уж, поймали злостного преступника, способного пошатнуть устои Российской Империи! Стыдно принимать в этом во всём участие. Однако служба есть служба. И в прошлой жизни мне нередко было стыдно за участие в некоторых операциях, но я никогда об этом не говорил, не показывал видом. Раз мы – слуги государевы, так и повинны служить.

По сути, на этом наша служба на сегодняшний день закончилась. И солдаты моего плутонга, было дело, уже решили расходиться по своим жилищам, но нет.

Я из тех, кто будет загружать солдата, хоть бы и покраской травы и креплением листиков к веточкам для красоты. Пусть-ка не забывают, что дисциплина не для красного словца в основу службы введена.

Глава 3

Чтобы сделать правильный выбор, нужно прежде всего знать, без чего нельзя обойтись.

*Подданный русской императрицы Елизаветы Петровны,
Эммануил Кант*

Петербург

21 июня 1734 года

Сегодня на тренировке кроме положенных строевых упражнений я надумал ещё давать солдатам новую систему штыкового боя. Ну, может, не совсем новую и не всегда штыкового, но главное, что систему.

Немного уже посмотрел на то, что умеют гвардейцы, у меня в голове начала выстраиваться схема боя. Во-первых, необходимо было дать пять-шесть действенных приёмов. Взять что-нибудь из арсенала своего прошлого не представляло никакого труда. Всё же система штыкового боя сперва Российской империи, а после Советского Союза могла бы считаться лучшей в мире. Турки, да и не только одни, не дадут соврать.

Кроме того, что каждый боец должен знать, пусть и ограниченно, но достаточное число приемов для наиболее распространённых ситуаций на поле боя, я ещё хотел внедрить систему работы тройками.

Ведь как оно сейчас? Бойцы не имеют согласованности между собой, используют примитивные приёмы уничтожения противника. И это обосновано для солдат – бывших ещё не так давно крестьянами и не знавшими даже, где лево, а где право. «Коли», «отклоняй», «коли опять» – вот и все, чему учили. Но я-то знаю, что ружье со штыком – это оружие, которое ещё на протяжении лет ста, как бы не больше, будет решать исход боя.

Поэтому необходимо ввести навык работы тройками. Это когда один берёт на штык удар клинка противника, а в это время рядом с ним есть тот, который заколет вражеского негодяя. Локально создать небольшое, но численное преимущество перед врагом – это то, что позволит добиваться намного лучшего результата и страховать друг друга – значит и победить, и выжить. Это же и возможность уничтожить любого мастера шпаги или сабли.

Пока так. Хотя я очень рассчитывал на то, что у меня получится создать ещё и диверсионный отряд. На мой взгляд, взгляд человека, заканчивавшего войну разведчиком, по сути, выполнявшего эту роль и после Великой Победы в немалом количестве локальных войн, именно диверсионная работа может при малых усилиях создать большие сложности врагу, а как максимум – даже войны выигрывать.

Взорвать склад противника, лишая его ресурса, ослабить командный пункт или даже его уничтожить – всё это может такая группа. За примером далеко ходить не надо. Золото Лещинского и взорванный фрегат французов – вот результат такой работы.

Более того, я почти уверен, что моя задумка способна воплотиться в жизнь без особых надрывов, лишь только посредством целенаправленной работы. Некоторых солдат не нужно будет даже ломать, чтобы натаскать на подобную диверсионную деятельность. Конечно, из бывшего когда-то крестьянина, которого обучили военному делу, прежде всего, линейной тактике и построению, такой боец не получится. Такому рекруту вбивают в подкорку последовательность действий, и он становится лишь частью большого механизма, от работы которого и зависит успех на поле боя.

А мне нужны инициатива, собственное мышление, личностные характеристики и способность принимать решения. А порой даже образование и знание иностранных языков.

Но в этом отношении мне подфартило. В Измайловский полк в качестве рядового состава набирались не мужики от сохи, а малороссийские почти что казаки, почти что шляхтичи. Как тот Фролов, у которого была дедовская «шабля». Он не мог доказать, что шляхтич, но с детства знал, что он, Фрол – гордый потомок славного воителя. А это совсем иное мышление, это формирование воинского духа, навыков «шабельного» боя.

Так что я вполне мог рассчитывать на то, что, если соберу таких вот, вроде бы как, казаков, но, скорее, гайдуков, в отряд, то получится весьма грозная высококомбинированная, способная решать многие задачи команда.

Но работы много, очень много... Что и показывает картинка во дворе полковой канцелярии, где была площадка – без какого-либо оборудования, но хотя бы ровная.

– Бичуг, твою в дышло! Не видишь, что у него голова открыта, а у тебя правая рука свободная? Отчего не бьёшь? – я бегал по относительно небольшому двору, указывая на ошибки своих бойцов.

Пока у меня со всеми потерями в распоряжении имеется лишь одиннадцать человек. Но должна быть, как у капитана, полноценная рота. Надеюсь, что мне её дадут. Должны дать.

– Фролов, ну-ка бей не в полную силу! Забьёшь же Егорьева! – я вовремя остановил болевой прием, а то спарринг-партнер Фролова уже бледнел.

Перед отъездом я имел разговор с Юрием Фёдоровичем Лесли, когда просил его передать в моё подчинение некоторых бойцов, которых заметил во время операции по захвату золота Лещинского. Например, мне очень понравилось, как действовал фурыер Никифоров. Грамотно действовал, инициативно, собрано и решительно.

Я ещё не знаю, как происходит вообще-то комплектование Измайловского полка, могу ли я на это повлиять, однако хотелось бы иметь возможность самому отбирать состав моей роты. Наверное, вполне было бы достаточно подойти к непосредственному командиру с этим вопросом, но это если бы кто-то из них присутствовал в Петербурге.

К тому же Густаву Бирону пойти, как-то задобрить, может быть, хорошим вином или подарить одну из моих трофейных шпаг, ну и попросить об услуге. Уверен, что подобный подход действенен во все времена в нашем благословенном Отечестве, к превеликому моему сожалению. И можно было бы не плодить мздоимство, хотя бы мне, но... Нельзя такие ресурсы не использовать, чтобы получать больше возможности.

Да, вино и... флаг с французского фрегата. Его реплику! Белое полотно. Такие флаги можно вообще продавать на сувениры. Только ровно нарезать простыней. Не могу до сих пор отойти... Надо же – просто белый флаг на корабле!

– На сей час хватит! – заканчивал я тренировку. – Сержант Кашин, Подойдите ко мне!

Солдаты как стояли, так и рухнули на пыльную траву – то, что от нее осталось после нас.

– Отставить лежать пластом! Встать! Ходить и глубоко дышать! – приказывал я, когда увидел, как все полегли.

– Ваше высокоблагородие! – сказал, подойдя ко мне, Кашин и лихо пристукнул каблучками.

– Сержант, у меня есть к вам разговор!

Может быть, в боевой обстановке я и общался с Иваном Кашиным без официоза, но среди солдат он авторитет, потому теперь я старался всё-таки этот авторитет своего заместителя поддерживать.

Хорошо, чтобы мне ещё дали в роту нормальных офицеров, чтобы сработались. Все же с Кашиным уже есть взаимопонимание. Хотя была вероятность, что его повысят. Впрочем, повышение сопряжено с дарованием личного дворянства, а это серьезный шаг, на который вряд ли охотно пойдет командование. Потому всё осталось как есть.

Разговор был, действительно, серьезный. Я видел некую женскую особу, которая явно искала со мной встречи. Она не подходила близко, понаблюдала со стороны да и вышла со двора полковой канцелярии. Должна, значит, теперь ждать на выходе.

Дело табакерки начинает ожидаемо всплывать. И без Кашина эту проблему мне не решить.

– То, о чем я буду говорить... Сие похоже на недоброе дело. Токмо выслушай и... Мне помощь твоя нужна, не для себя, а для Отечества нашего, – несколько пафосно начал я сложный разговор.

– Всё ли ты понял, сержант? – отведя Кашина в сторону и объяснив ему суть предстоящего дела, строго спросил я.

– Не сомневайтесь, ваше высокоблагородие, возьму с собой Фролова и Бичуга, всё сделаем как нужно.

Тут он замялся, явно хотел задать какой-то вопрос, но не был уверен, что он уместен.

– Спрашивай! – сказал я, понимая, что лучше всё решить на берегу, чем идти в море с нерешёнными проблемами.

– Коли дело это государево, отчего же нельзя обратиться в Тайную канцелярию? – спросил Кашин.

– Оттого, чтобы нам самим не залезть на дыбу, – отвечал я. – Более того скажу: сие дело такое, что можно и на дыбу, токмо и получить чины есть возможность. Тут каждый решает за себя. Або пан, або пропал. Решай и ты.

– Я сделаю, что вы просите, ваше высокоблагородие, – не совсем уверенно отвечал Кашин.

Деваться некуда, на самом деле. Все делать самому просто нельзя. Мне нужна поддержка, хотя бы из ряда той, что «в сторонке постоять, пока люди договариваются». Да и не потяну я в одиночку чисто сработать двух казаков, когда придется.

Так что тут либо доверяться своим людям. Либо отдавать табакерку и не думать ни о чем, пока за мной не придут и не повяжут под белы ручки. Нынче Анна Иоанновна олицетворяет Россию? Я не могу дельно на это повлиять, и не вижу иных достойных. Так что... Служу России! Вот будет лучше Отечеству от изменений, тогда я и подумаю, за кого вписаться.

А для того, чтобы служить России дельно и на что-то влиять, нужно становится сильным. Свой лимит «щедрости» у государыни я исчерпал. Ну не будет она ни завтра, ни через год, даже если я еще какой подвиг совершу, повышать меня в чинах.

С другой же стороны, хватает и других людей, которые могут замолвить за меня словечко, если только будут высоко мотивированы это сделать. Будем мотивировать! Так что... Или я пан, или пропаду, но попробую. Редко кто возвышается без риска, да почти и никто.

Все... Решение принято, а значит иду поближе к дамочке, давая себя заметить. Жребий брошен, Рубикон переступил!

– Господин Норов? – когда я, якобы, направлялся в канцелярию Измайловского полка, меня окликнула девушка.

Я обернулся и посмотрел на ту, кто знает моё имя, но кого я никогда раньше вживую не видел. А вот на изображении... И всё-таки не всегда портреты врут. Когда-то я видел Мавру Шувалову, которая ещё не должна быть замужем за одним из виднейших людей елизаветинской эпохи, а значит, должна носить фамилию Шепелева.

Признаться, я несколько растерялся. Понятно, что именно она пришла за той самой табакеркой, которая никак не выходила у меня из головы. Кто-то же должен был её забрать. Я очень надеялся, что это будет мужчина. Впрочем, Апраксин же говорил, что вещица – для некоей дамы.

Очень не хотелось воевать с женщинами, хотя я прекрасно понимал, что порой они бывают столь коварны и жестоки, что могут выполнять обязанности мужчин... Я не о какой-то

постельной пошлости, но знавал таких женщин, которые поистине были воительницами. Они, если и не имели отношения к военному делу, то своим характером и поведением зачастую давали фору практически любому мужчине.

Вот и эта Мавра казалась не дамой, а, скорее, спецагентом под прикрытием. И все равно, мой план уже мысленно пересматривался. Бить женщину? Нет, нельзя. Особенно в этом времени, особенно мне, который никогда не поднимал руку на женщину. Ну кроме только той эсэсовки в Берлине... Но она наставляла на меня пистолет, вот первой пулю и получила.

– Чем я могу быть полезным вам? – с обезоруживающей улыбкой спросил я.

Я чувствую, когда нравлюсь женщинам. Вот и эта девушка несколько смутилась, стараясь не прятать свои глаза, выглядеть безмятежно, но не сильно-таки это у неё получалось.

Говорят, что не бывает некрасивых женщин. Нет, бывают. Возможно, это дело исключительно вкуса, но не в меру широкое лицо Мавры, как и не совсем умело замаскированные оспины на этом лице, девушку привлекательной отнюдь не делали. А ещё она была полна. Полнота бывает разной, порой даже и весьма привлекательной. Но не в этом случае, когда ожирение явно выглядит болезненным.

– Вам передали вещь, которая адресована мне, – выдавила заученный текст Мавра.

– Могу ли я узнать имя столь очаровательной, обворожительной особы? А уже после поговорить о вещице? – спросил я.

Пусть не сразу, но Мавра смогла понять суть комплимента, и её лицо несколько покраснело.

– Сударь, позвольте мне остаться не представленной вам. Прошу простить меня, – явно нехотя произнесла Мавра.

Если она мне не представляется, то, выходит, рассчитывает, что я её не узнаю? Или же при следующей встрече, если таковая состоится, станет уже сильно поздно думать о чём-то, так как подарочек от Апраксина будет вскрыт, прочитан и сожжён. И тогда игра в инкогнито может восприниматься не более, чем флиртом на маскараде.

Нет, так не будет. Сегодня Мавре придется признаться и кто она и для кого старается.

– Как вам будет угодно, сударыня, – изобразив некоторое разочарование, отвечал я. – Вот только я не ношу с собой те вещи, которые могут оказаться дорогими, а то, что некий господин может подарить столь очаровательной особе, не может быть чем-то пустяшным!

Я говорил, а девушка всё морщила лоб, стараясь понять, о чём это я говорю, в чём смысл.

Жаль, но мои наработки по одариванию женщин комплиментами, видимо, опережают своё время. Это, как если бы я своей возлюбленной Нине в 1944 году сказал, что она «прикольная». Вот уж забавно... Представил, как Нина начала бы осматривать себя, кто и в какое место её уколол.

А вот Мавра сочла мою улыбку, посвящённую возлюбленной и собственной прошлой жизни, очередным эпизодом флирта и вновь на некоторое время смутилась. Но все же взяла себя в руки.

– Это весьма предусмотрительно с вашей стороны. И всё же как я могу забрать вещицу? – теперь уже Мавра показывала, что она не особо довольна.

– Если не сочтёте за труд, то я скажу вам, в каком трактире остановился. Вечером я буду там. Или же пожелаете, чтобы я взял вещицу завтра утром на службу? Тогда нам бы надлежало встретиться с самого утра, чтобы я успел расстаться с вещью, и она не препятствовала несению моей службы, – сказал я, а Мавра удивительно умными глазами посмотрела на меня.

В какой-то момент она отронила свою девичью скромность, хотя девицей вряд ли была, учитывая то, что должна была когда-то состоять в любовной связи с гольштейнским герцогом. Вот же этот герцог, отец Петра Ульриха, вероятного наследника российского престола! Герцог был особым ценителем женских прелестей, гурманом, раз смог разглядеть в этой женщине что-то привлекательное.

Впрочем, может быть, это как раз тот случай, когда женщину любят не за внешность, а за какие-то иные качества. Смогла же Мавра Шувалова устроить при дворе и своего мужа, и родственников супруга, особенно Ивана Шувалова, одного из основных фаворитов Елизаветы Петровны.

– Я приду к вам на постоянный двор. Уж простите, внутрь заходить не буду. Будьте любезны ожидать меня у входа не позднее восьми часов пополудни, – сказала девушка, изобразила что-то вроде книксена, развернулась и ушла.

Подождав, когда Мавра на десяток-другой шажков удалится, я проследовал за ней. Да, так и есть: два казака её сопровождали и стояли в стороне, не отвечивая. Обстоятельства дела немного усложнились. Не стоило думать, что близкая подруга Елизаветы, её, по сути, агентесса, будет ходить без силового сопровождения.

Уже через минуту увидел я и Кашина, который проследовал за Маврой, изучая свою цель. На этом я мог их оставить. Теперь должен сработать Кашин с сотоварищи. Мне нужно знать адресата. Да, это Елизавета Петровна, я почти в этом уверен. Но... Мало ли.

За то, что я сделал для сержанта, как и для остальных оставшихся в живых бойцов плутонга, они теперь были готовы за мной хоть в огонь, хоть в воду. Я показал такое отношение к солдатам, которого они ни у кого не смогли бы найти в эти времена.

Кроме того, мои бойцы прекрасно понимали, что те богатства, которыми уже владели и солдаты, и Кашин, пусть, конечно, в меньшей степени, чем я, – это всё не просто так. И сам сержант мне об этом говорил, мол, если я хочу что-либо сделать для своих же солдат, то я не должен бояться говорить о проблемах, а они, чем смогут, всегда помогут.

Когда люди повязаны кровью, когда они выкарабкались из серьёзнейших передряг, выхода из которых, казалось бы, нет... Когда люди повязаны общим преступлением, а то, что мы частично облегчили сундуки Лещинского – это преступление... Так вот когда существуют нормальные отношения, без унижения, оскорблений, но при этом не потеряна и субординация... Вот это всё вкупе даёт мне возможность говорить, что пусть не много, но людей для особых тайных дел я нашёл. Мало того, этим тайным делам, исподволь или даже напрямую, я их обучаю.

Мне нужно было самому себе ответить четко на вопрос, зачем я все-таки преступаю через моральные принципы и организовываю всю эту операцию. И ведь этот вопрос, если я не найду на него конкретного ответа, будет сопровождать постоянно, точить, заставлять сомневаться.

И, слава КПСС, или Богу, ответы есть.

Самое главное для меня – возвышение. Я должен становится больше, чем есть. Дальше только по протекции. Миниха? Вряд ли. Бирона? Еще более смешно. Он уже составил протекцию такую, что я не знаю, как распорядится двумя обещанными тысячами рублей на покупку поместья. А покупать придется. Это уже могут счесть за неуважение к трону.

Так что у башкиров землю покупать? В разгар восстания? Про Остермана я мало чего знаю, кроме того, что он должен быть еще тем плутом. Значит, нужно искать такие силы, которые могли бы способствовать моему росту. И предположения, кто это может быть есть. Сегоднешний вечер многое покажет.

Но потакать государственному перевороту так же нет желания. Я не приемлю договоров с врагом, пусть даже цель этих переговоров самая светлая, во имя всего доброго, против всего плохого. Если Елизавета Петровна рассчитывает совершить государственный переворот посредством войны России и Швеции, то это преступление, которое для меня никоим образом неприемлемо. Не может в российские дела вмешиваться будь кто, а уж тем более сильно ослабленная Швеция.

Второе – если заговорщики решатся и у них ничего не получится, то будет проведено расследование, а меня принесут в жертву, как удобную для всех фигуру. Следствие будет вести Ушаков, наверняка причастный к заговору. Уверен, что Мавра, как и я и другие косвенно

причастные, останется без головы. И если я так рискую, то пусть это будет иметь материальный смысл

И третье... Да, Анна Иоанновна – далеко не идеальная правительница. Более того, она мне не нравится. Но я ей служу, да и не вижу, исходя из своего послезнания, что и Елизавета была бы великой правительницей, так что занимать чью-то сторону преждевременно. Лиза окружила себя неглупыми людьми, в этом был ее относительный успех в иной реальности. Да и то, там еще разбираться нужно, насколько они правильно правили именем дочери Петра.

Да! Буду рисковать. В конце-концов, одну жизнь я прожил. Даже немного и второй проживу. А, как говорил мой комполка: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Хотя... тут бы я поспорил

И с этими мыслями я отправился в канцелярию полка. Все, или многое решиться вечером. Так что? Ничего из-за этого не делать?

Глава 4

Пусть будет брошен жребий!

Гай Юлий Цезарь (как и древнегреческая поговорка)

Петербург

21 июня 1734 года

Ожидание начала операции, и когда уже люди заряжены и работают, а я сижу в трактире – ещё более томительный процесс, чем участие в деле. У меня в прошлой жизни было одно слабое место в характере. Я крайне неохотно доверялся в важных делах людям, предпочитая всё выполнять самостоятельно. И при всей силе натуры такая черта может только ослаблять. Немало есть таких дел, которые лучше выполнить чужими руками.

Как сейчас... Вот я, на самом видном месте в трактире, сижу за столом и отстукиваю пальцами дробь. Периодически пью квас, заедая очень даже приятный напиток куском слегка пережаренной свинины. Нужно что-то делать со своим рационом. А то я так на жирном да углеводистом, чего доброго, и располнею, даже несмотря на более-менее интенсивные тренировки.

А в это время Кашин с другими моими людьми смотрит за одним, казалось, неприметным домом на шестой линии на Васильевском острове. Рядом, очень рядом со мной. Тут меньше километра, чтобы я был у места. Но, нет, сижу, жду.

И лишь только одно меня способно сейчас отвлечь.

– Ещё чего-нибудь желаете, сударь? – проворковала Марта.

– Если только дождаться ночи и обнять вас, сударыня! – в той же игривой форме ответил я девушке на немецком языке.

Марта раскраснелась, а я спиной почувствовал прожигающий взгляд её отца. Вот только мне чутье подсказывало, что не столько он против, что мы с его дочкой... Наверное, ждёт дорогих подарков, как минимум, ещё один золотой, чтобы, так сказать, продлить общение.

Однако могла сложиться весьма неприятная... скажем так, традиция, которая претила бы и моим ощущениям, и чувствам Марты. Это все ожидания её отца. Я же разбрасываться монетами не хочу, как и вступать в товарно-денежные отношения на основе коитуса.

А вот что-нибудь ценное подарить девушке, которая действительно в меня влюблена, наверное, стоит. Но точно не на второй день после того, как у нас случилась близость. Вообще, рано думать о серьезных подарках. Вон, сегодня и вовсе могу сгинуть.

Приходилось отодвигать куда-то на задний план, будто за портьеру, эйфорию от отношений с Мартой, заставляя себя не думать о ней постоянно. И все причинно-следственные связи, с которыми я борюсь, все эти эмоции – такая волна, что, может накрыть только чудом выздоровевшего смертельно больного человека. Я, старик столетний, который только что и мог с ностальгией смотреть на женщин... правда, это лишь в последние лет семь своей жизни. А до этого мужское здоровье было такое, что многие мужики и не мечтают.

И тут... Все то, что не чаял и почувствовать, да еще и умноженное на почти что подростковый бурлящий гормонами организм... Очень сложно справляться с эмоциями мне, человеку начавшему жить вторую жизнь. И как же я теперь понимаю молодежь! Мне очень даже ярко, доходчиво теперь всё время напоминали, что это такое – подростковый максимализм. Природа издевается над взрослеющими людьми, так и подталкивая их к размножению и глупостям иного рода.

Но нужно держаться.

Тем временем, пока я размышлял о юморе природы, Марта отправилась обслуживать гостей трактира, которых сегодня было необычайно много. Впрочем, мне не с чем сравнивать, может быть, здесь всегда такой аншлаг.

А я стал постукивать пальцами о столешницу, поджидая новостей.

* * *

Мавра Егорьевна спрятала табакерку в себе в декольте. Пусть табакерка была большой, но и декольте девушки было явно не маленьким. Не по тому ли критерию Елизавета Петровна выбирала себе подругу и верную служанку – чтобы было, в каких потайных местах секретки хранить?

Шепелева не пошла по короткой дороге, посчитав, что было бы неплохо хоть как-то замести следы. Она прекрасно понимала, что сейчас между двумя её выдающимися женскими формами скрыта такая крамола, за которую можно в одночасье отправиться на дыбу. Мавра, будучи далеко не глупой женщиной, предполагала, что даже начальник Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков, и тот косвенно, но может состоять, или, скорее, потакать тому заговору, который начал формироваться вокруг Елизаветы Петровны.

Удивительно, но сложились очень крепкие родственные связи между пасынком Апраксиным и усыновившим его Ушаковым. Если многомудрый Андрей Иванович и не знал, что его приёмный сын что-то подлое умышляет против императрицы, то явно должен был догадываться.

Тайная канцелярия пока что «не замечает» происходящего, а всё больше берет под надзор и для пыток выпивох из кабаков. И как раз-таки это обстоятельство придавало смелости тем, кто хочет возвести, наконец, на российский престол Елизавету Петровну. И таких было немало... Вот только среди высших сановников Анны Ивановны откровенных заговорщиков не имелось. И это сильно осложняло задачу.

Мавра Егорьевна, конечно, взяла с собой охрану, но и здесь перестраховывалась. Двое дюжих молодцов из малороссийских казаков должны были не ходить следом, а ждать девушку недалеко от кареты. Вся эта таинственность выглядела так, будто Мавра ходила на свидание к неизвестному мужчине. И даже охране не стоит знать, с кем именно встречалась девушка, уж тем более о том, что ей был передан какой-то предмет.

– Следуйте за мной на расстоянии! – скомандовала Мавра, когда проходила мимо притаившихся своих охранников.

Они так и сделали и чуть было не столкнулись лицом к лицу с Фролом Фроловым, который следил за Маврой, выясняя, в тот ли дом она направилась, что и поутру, когда приходила к канцелярии Измайловского полка. Тогда ее выследили, и сейчас Кашин был уже возле дома и наблюдал, чтобы определить, насколько внутри опасно и сколько человек за последние два часа пришли в дом – и, что немаловажно, оттуда не вышли.

Фрол еще посмотрел вслед уходящей карете, пробежал буквально с метров пятьсот и оставил объект наблюдения. Пусть и по дуге, но Мавра направилась именно в тот самый дом. Все, теперь Фролову нужно как можно быстрее добраться до капитана, чтобы сообщить ему информацию.

* * *

Елизавета Петровна явно нервничала. Стакан с вином в её руках то и дело подрагивал, и бордовая жидкость венгерского едва не выплёскивалась, не пролилась на неуместно для ситуации дорогое изящное платье с вышивкой серебряной и золотой нитью. Даже голодая, казалось, царевна будет шить себе роскошные платья.

Сегодня на собрании елизаветинского кружка заговорщиков, друзей первой красавицы России, присутствовали четверо мужчин, но все ожидали одну женщину.

Это не был полный список тех заговорщиков, которые пока с некой долей наивности собирались вокруг Елизаветы Петровны, предполагая, что кому как не ей быть следующей

императрицей Российской империи. Она, красивая, статная женщина, которую желали или все, или многие, казалась куда как более удобной фигурой, чем та, что занимает трон.

Так же думали когда-то и о Анне Иоанновне. Что не станет курляндская баба, нынешняя государыня, вмешиваться в дела государственные, а ее окружение будет править.

Но тогда не вышло. Как видно, история редко учит людей.

Ведь дело даже не в том, что все присутствующие изначально свято верили в восхождение звезды Елизаветы Петровны, а в том, что после смерти Анны Ивановны некому взойти на престол. Вот и стали задумываться некоторые, в основном, молодые и амбициозные люди, что не за горами тот час, когда вся Российская империя будет вынуждена признать дочь кухарки Марты Скавронской своей правительницей.

– Но где же Мавра? – голосом, полным волнения, спрашивала Елизавета Петровна.

Медик Иоганн Лесток, за гранью приличия не сводивший взгляд с декольте царевны, усмехнулся. Он не волновался, для него ситуация была даже скучноватой – мало опасности, так, игра в детские шалости.

Французский шпион упивался ощущением угрозы. Он был по духу авантюристом, своего рода адреналиновым наркоманом, который уже не может жить без интриг и без того, чтобы чувствовать постоянную опасность. Поэтому именно Лесток и был тем, кто постоянно создавал ауру таинственности и накалял обстановку, когда даже, казалось бы, безопасная встреча чувствовалась, как нечто смертельно опасное.

Вся жизнь Лестока – это сплошная авантюра. Уже то, что он не был дипломированным медиком, но при этом исправно лечил всех, порой и саму императрицу, говорило о многом. Когда-то он нахватался знаний по медицине у своего отца, видного врача. Вот и врачевал, причем делал это в достаточной степени искусно. Ну, а в чем не разбирался... Так одно из главных преимуществ Лестока было в том, то он исключительно красноречиво убеждал в своей правоте, и многие ему верили.

А стоило этому мужчине выйти на французских шпионов, которые стали Лестоку доплачивать за любую информацию о русском дворе, так и вовсе он стал воспринимать себя, как главного вершителя судеб империи. С Иоганном Германом советовался Петр II, его слушала Екатерина Алексеевна, сам Петр Великий держал любителя выпить и погулять Лестока рядом.

Иоганн искренне считал, что, так или иначе, но Елизавету поставит на трон. Не боялся работать в этом направлении, даже найдя выходы на ряд офицеров Семёновского и Преображенского полков. И все равно в нем жил трус. Больше всего на свете Лесток боялся проиграть.

Здесь же находился и Алексей Розум, которого в елизаветинском кружке именовали только лишь как Алексея Григорьевича Разумовского. Вот ему было определённо всё равно, что происходит вокруг. Он просто любил Елизавету. Причём не как женщину или царевну, а как свою бабу, которую порой можно даже и поколотить, пусть и не совсем в трезвом виде это делать.

Наиболее же хитрым и дальновидным из всех собравшихся являлся Бестужев-Рюмин. Этот, несомненно, умный и дальновидный человек находился здесь исключительно по расчёту. Он уже подметил, что здоровье ещё и не старой, но уже измотанной ожирением и дурным образом жизни государыни таково, что стоило ожидать в самые ближайшие годы резкого обострения, и серьёзного – вплоть до скоропостижной смерти владычицы российской.

У императрицы одна за другой наружу выходили хвори. С ними, впрочем, можно было и побороться, но сама Анна Иоанновна как будто бы не замечала, что с каждым годом приступы мочекаменной болезни, как и других, всё более и более острые.

Так что расчёт простой: после смерти нынешней императрицы остаётся только лишь обратить внимание на Елизавету Петровну. Ещё одна дочь Ивана Алексеевича, деда Лизы, её кузина Екатерина считалась столь незначимой фигурой, что не найдётся того, кто поставил бы

на неё. Тем более, что она, Екатерина Ивановна, живёт вполне себе простой жизнью в Мекленбурге. Живет и не помышляет о России.

Была ещё одна родная сестра у Анны Ивановны – Прасковья. Но ту уже воспринимали и вовсе как худородную, так как Параска состояла в неравном браке. И ещё каких-то фаворитов при царственной особе не допустят даже, или особенно, те, кто сейчас в фаворе.

Ну, а внука Петра Великого – Карла Петра Ульриха – тоже никто не воспринимал всерьёз. Он был будто чужеродным, слишком юным, а ещё слишком немцем. Повторения истории с Петром Вторым никто не хотел.

Вот и выходило – есть одна лишь Елизавета Петровна, которой на самом деле сочувствовало немало количество даже и высших сановников в Российской империи.

Елизавета взяла в свои нежные пальчики маленькое пирожное, приоткрыла свой несколько несуразный, маленький, но неизменно привлекательный ротик. Златовласая красавица хотела было закинуть в рот бисквит, но замерла.

В комнату небольшого дома на Васильевском острове зашёл один из казаков, которых привлёк к охране Елизаветы Лёшка Розум, так и норовивший окружить свою любимую малороссийскими казаками.

Вошедший молодой мужчина степенно поклонился и обратился, прежде всего, к уже нетрезвому Алексею Разумовскому:

– Мавра Егорьевна прибыли!.

Лесток мотнул головой, прогоняя наваждение. Настолько возбуждающе теперь выглядела Елизавета с приоткрытым ротиком и с расширенными глазами, настолько волнительно поднималась и опускалась её грудь, стремящаяся вырваться из тугих оков платья, что медик уже начал представлять, как он... Её... Ну как в тот, пока что в единственный раз... А как хотелось бы повторить!

Удивительным образом Елизавета Петровна в тот же момент собралась, оттринула волнение, наполнила свой взгляд признаками разума.

Через несколько минут Мавра Егоровна зашла в комнату и, будто намеренно до того не извлекая зажатого меж грудями предмета, начала копошиться у себя в декольте.

Кто-то шаркнул ботинком с пряжкой, кто-то кашлянул в платок.

Что ж, можно простить девушке подобную шалость. Мавре очень нравилось нравиться мужчинам. Но с её внешностью она могла лишь временно всколыхнуть у кавалера животные инстинкты. Декольте Мавры Егорьевны пусть и уступало елизаветинскому, но ненамного.

Даже Разумовский и тот хмыкнул и облизался. И если не смотреть на лицо вошедшей девушки, то можно было бы облизывать сухие губы и всем остальным.

– Ну же, Маврушка! – Елизавета Петровна ощутила непривычную эмоцию, будто тут, в этом обществе, находится женщина, что могла бы составить конкуренцию первой красавице России.

Изрядно помяв свою грудь, Мавра вытащила из мягких тисков искомую вещицу.

Пётр Иванович Шувалов – единственный из мужчин, кто не был сильно впечатлён зрелищем изыятия из женских достоинств достаточно большой табакерки. Он подошёл к Мавре и взял в свои руки серебряную, с незначительной инкрустацией бриллиантами и золотом, вещицу. Крышечка её была ещё теплой, но Шувалов, не дипломат, не граф, а сын помещика, и бровью не повёл.

Хотя Мавра Егорьевна была бы явно не против, чтобы Пётр взял в свои руки и то, откуда была извлечена вещь. Шувалов-то и вовсе тут во многом потому, что Мавра была в него влюблена. Впрочем... она, страждущая замужества, влюбилась бы и в того гвардейца. Вот только с Шуваловым вполне ещё можно рассчитывать на что-то, особенно если забрезжит рассвет правления Елизаветы Петровны. А вот с гвардейцем – вряд ли.

Шувалов ещё немного покрутил у себя в руках вещицу, а после, в нетерпении, к нему подскочил Иоганн Герман Лесток (или Арман – такое французское звучание больше предпочитал сам авантюрист). И теперь они, отбирая друг у друга табакерку, по очереди её крутили, открывали, трясли, силились понять, где же спрятана важная записка.

– Смотрите дно, – отрешённо, с ленцой, как будто многомудрый мастер поучает своих учеников, сказал Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

Кажется, он даже чуть поморщился – возможно, от того факта, что сами они не догадались этого сделать.

Он не так давно, да и ненадолго прибыл из Дании, где был, словно в ссылке, русским посланником. Однако Бестужев-Рюмин не терял связей с заговорщиками. Более того, весь род Бестужевых в той или иной степени поддерживал всех, кто был против Анны Иоанновны, пусть и делали они это разумно, тихо, не выпячиваясь.

Отец Алексея, Пётр Михайлович Бестужев-Рюмин, явно был недоволен тем, что Анна Иоанновна предпочла его Бирону, позабыв былую любовь. Да и сам род Бестужевых был вполне сильным, пусть и не в первой пятёрке. Бестужевы были в родстве с Волконскими, в сговоре с Ягужинским, Трубецкими...

Так что в этой компании Бестужев-Рюмин был самым знатным после царевны. Но не самым деятельным и энергичным, уступая по этому показателю и Лестоку, и Мавре Шепелевой.

Шувалов ещё немного покрутил табакерку, словно не услышал совета Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, и лишь после достал небольшой ножик и ловко скovyрнул доньшко. Тайное пространство и вправду им открылось, а вот содержимого в нём не оказалось.

– И как сие понимать? – спросила Елизавета Петровна. – Где послание?

Елизавета теряла самообладание. Казалось, что весь еще и не сложившийся заговор сейчас рухнул. Она представила, как идет на плаху...

Мерзость, ведь нельзя будет даже надеть приличное платье.

* * *

Фрол не заходил в трактир, он только показался в дверях и вышел. Не нужно, чтобы его видели, как и нас вместе.

Но я все понял...

– Марта! – подозвал я девушку. – Проводи меня до комнаты моей!

Девушка, ничего не спрашивая, быстро подбежала к большой печи, над которой томился на вертеле подсвинок, скинула фартук на стоящий там стул, улыбнулась.

Я игриво указал головой в сторону лестницы. Наполненная истинным счастьем девушка чуть ли не вприпрыжку побежала в сторону моей комнаты. У меня даже заиграла совесть, ведь я сейчас разрушу такую светлую девичью эйфорию.

Мы остановились у двери в комнату, и я страстно стал целовать Марту. Да, были свидетели, но я не проявлял скромности – напротив, именно лишние глаза и нужны мне были. Все же многим интересно, кто же сорвал этот цветок, который радовал взгляд каждого посетителя трактира, но каждый мог только лгать, утверждая, что цветочек побывал в его вазе.

Вот так, не размыкая поцелуя, мы и ворвались в комнату, чуть не вышибив дверь. Кстати, это проблема – дверь была уж больно хлипкая.

– Марта... милая Марта... – все же остановившись в комнате и с трудом, но вспомнив, что у меня вообще-то очень важное дело, я стал дурманить разум девушки. – Мне нужно уйти. Но никто... ласковая моя... никто не должен знать, что меня нет. Ты выйдешь из комнаты лишь через четверть часа, поправишь платье и, если спросят, то скажешь, что я, утомленный, решил поспать часок у себя в комнате. Всё ли поняла?

– Ты для этого меня сюда привел? – неожиданно строго спросила Марта.

– А ты как, Марта, думаешь? Если у нас симпатия, то должны ли мы быть одним целым, помогать друг другу, никогда никому не выдавать секреты? Или как?.. – говорил я, вовремя останавливая себя же.

Чуть было не сказал, что вообще-то очень даже щедро уже заплатил, и могу это сделать в будущем. Уж точно достаточно, чтобы небольшой мой секрет секретом и остался.

Но не здесь, не с нею мне об этом говорить.

– Что мне нужно сделать? – спросила девушка неожиданно серьезным и решительным тоном.

– Выйдешь из комнаты через четверть часа, всем показывай, что была со мной, и рассказывай, что я остался в комнате, но никого сюда не пускать. А я скоро приду, милая... и мы продолжим с тобой с того места, на котором прервались.

Уже через минуту, я, облачившись в неприглядное платье, слезал со второго этажа комнат постоялого двора. Нужно об этом подумать обязательно. Залезть может любой. Вот карниз, вот ветка раскидистого дерева – и все, земля. Так же и назад можно залезть. Перестраховщик... Для любого следствия я был на месте. Ну а что касается тех, кто меня увидит?.. Ну, без риска нет удачи!

Я бежал, словно боролся за медаль на Олимпиаде на дистанции в тысячу метров. Наверняка, если бы был кто-нибудь по дороге, то мог бы крайне заинтересоваться, кто это бежит, облаченный в непонятный балахон. Да ещё и с капюшоном, накинутым не только на голову, но и скрывающим лицо. Явный какой-то разбойник.

Пару раз, заметив праздно шатающихся людей по улицам – и морозящий дождь им не помеха – я останавливался и шёл мерно, стараясь не привлекать особого внимания. Ноги так и порывались сами снова перейти на бег, но нет, нельзя. Ну а капюшон, как и балахон, вполне могли сойти за плащ, который я накинул от дождя.

Место встречи заговорщиков было недалеко, но всё равно, по времени я несколько проигрывал. И только минут через семь я был у того дома.

– Начинаем! – сказал я Кашину.

Четверо бойцов, не прячась, прямо через калитку ограды, зашли на территорию небольшого дворика вокруг похожего на прочие рядом особняка. Я было дело удивился такой беспечности, порывался сказать, что подобным заходом на территорию объекта можно и быть замеченными, но доверился сержанту.

Не было видно никакой охраны, по крайней мере, снаружи. А внутри...

– Хех! Хех! Бум! – на выдохе последовали два удара, и кистени с мешочками с песком на конце качественно вырубili двоих казаков.

Они и были одеты, как... заправские запорожские казаки, словно сошли с экрана телевизора. Шаровары с толстыми шарфами, повязанными на поясе, в рубахах-вышиванках, один – так и чубатый. Вероятно, что и бойцами были малороссы неплохими. Но когда словно из ниоткуда появились мои люди, казачки, ясное дело, растерялись. И времени на то, чтобы понять, что происходит, у них не было. Вот и результат... Двое в глубокой отключке.

– Ещё двое должны быть внутри! – шепнул мне Кашин.

Я кивнул и посмотрел в сторону двери, показывая тем самым – мол, продолжаем работать. Через пять секунд дверь, ведущая к лестнице на второй этаж, была резко распахнута.

– Вы кто? – успел разве что спросить рослый казак.

– Ух! – апперкот в челюсть отправил любознательного на пол.

Получилось несколько шумно.

И вот она, дверь. Там те, кто в иной истории определял политику России целых двадцать лет. И теперь я начинаю играть свою игру. Если плясать под чужую дудку, на побегушках всю жизнь и останусь. И что сказать, входя? Вечер в хату?

Я сделал шаг, взялся за дверную ручку...

- А где послание? – услышал я требовательный, но звонкий голосок. – Как сие понимать?
- Ваше высочество! – сказал я, входя в комнату.

Глава 5

Не спешите говорить о себе. Разговор о вас начнётся, как только вы уйдёте.

Аль Пачино

Петербург

21 июня 1734 года

– Кто вы, и как смеете врывать в мои покои? – удивительным образом преобразившись, явив некое достоинство, вопрошала Елизавета Петровна.

Вот только что, в тот миг, что я, войдя, уставился именно на эту женщину, она казалась мне милой, нежной. А сейчас – величественная, грозная.

Не узнать дочь Петра Великого среди прочих было просто невозможно. Неплоха, чертовка, вкусная! Не сказать, что абсолютно в моём вкусе – не особо я впечатлялся в прошлой жизни пышногрудыми блондинками или рыжими... Какими, скорее, на солнце волосы были у Елизаветы.

Между тем я не мог не признать, что титул первой красавицы России дарован царевне не на пустом месте. А всё равно дело вкуса. Но мне больше нравилась Марта. Это если оценивать женщину без повышающего коэффициента. Для Елизаветы Петровны подобным «усилителем» её красоты была величественность, социальный статус, не бесспорная, но всё же родословная. Деньги, ну и притягательная порочность. Этого добра в ней было, хоть отбавляй, прямо чувствовалось.

– Сударь, требую от вас объяснений! В противном случае мы скрестим с вами шпаги! – начал выпрыгивать перед заговорщицей из штанов невысокого роста пухловатый мужичонка.

– И я готов скрестить шпаги! – с небольшим, но явно чувствительным французским акцентом выкрикнул ещё один из присутствующих здесь лиц мужского пола.

Они оба преградили мне путь. Но не это было плохо. Они мне загордили Елизавету. На нее хотелось смотреть. Эх, шальная императрица! Пока царевна, конечно, но мало ли, может, история пойдет похожим путем, и вновь дочь Петра будет строить блистательные дворцы и носить блистательные платья, устраивать блистательные приемы... Не государыня, а сорока в юбке!

– Если я скажу, что дом окружён ротой измайловских гвардейцев, которые знают, что тут собрались заговорщики, – повлияет ли это на ваше, господа, желание скрестить со мной шпаги? – стараясь продемонстрировать в голосе превосходство и то, что именно я теперь – хозяин положения, с некоторой усмешкой говорил я.

Подумал, что сейчас выгляжу, словно в каком художественном фильме, целью которого было не показать историческую действительность, а накормить зрителя громкими диалогами в костюмах и антураже а-ля восемнадцатый век.

– Сие правда? – спросила Елизавета. – Если так, то отчего же вы вошли один?

– Ваше Высочество, это может быть правдой. Как и то правда, что я служу престолу и Отечеству. И. почему один? – говорил я, контролируя движение двух мужчин, которые стояли в двух шагах от меня и держались за эфесы своих шпаг.

– Потому что договориться желаете! – сказала Мавра Егорьевна, злобно смотря на меня.

– Все может быть.

– Прикажите, ваше высочество, и я выгоню этого наглеца! Не бывало еще такого скандала, чтобы вот так врвался... Кто? – сказал один из преградивших мне дорогу.

А вот другой, с длинными волосами и выразительным орлиным носом – это медик Лесток, скорее всего. Он же был всегда рядом с Елизаветой и кичился даже тем, что именно он организовал дворцовый переворот и возвел Елизавету Петровну на престол.

И я удивлён тогда, что у Лестока на поясе повязана шпага. Разве доктора не должны спасать жизни, а не забирать их? Впрочем, если я правильно определил одного из присутствующих, то даже по историческим знаниям было не понять, кто он больше: то ли медик, то ли интриган, то ли французский шпион.

– Вы, верно, чего-то желаете для себя? – сказал до этого пристально меня рассматривавший мужик невысокого роста, с пролысиной, уже с признаками наступающей старости.

Он величаво сидел в одном из кресел, сохранял лицо, будто вовсе не переживает на предмет моего появления. Конечно, мужиком он не был, в том понятии, которое вкладывается в это слово в современном мире. Мужик – крестьянин, скорее даже, крепостной.

Ну как отказаться от той привычки из будущего, которая укоренилась в голове? И если я говорю, что передо мной мужик, то значит, в этом есть даже какая-то толика уважения. И потом, ведь не баба же?

– Так что, сударь, вы скажете, с какой целью появились тут, и что происходит? Мы собрались для беседы, вы же врываетесь в наш дружеский круг... – Мавра пробовала «пойти в несознанку».

– Я не приемлю беседы о договорённостях с чужими странами, с врагами России. Тем более со Швецией. Пётр Великий, мною любимый государь, всю свою жизнь воевал. Я не стану, Ваше Высочество, господа, Мавра Егоровна, говорить о том, что мог бы узнать граф Бирон или фельдмаршал Миних из ваших «бесед». Я скажу вам, чего я хочу, – я сделал паузу, чтобы понять, насколько внимательно меня слушают и насколько готовы воспринимать мои слова всерьёз.

Страх, в разной степени у каждого из собравшихся заговорщиков, всё же присутствовал. Я видел это по тому, как они все замерли и опасались лишний раз смотреть друг на друга. Можно сколько угодно полагаться на лояльность Андрея Ивановича Ушакова, главы Тайной канцелярии, или какого-нибудь другого вельможи, например, Головкина или Ягужинского. Но скажет Анна Иоанновна посадить на кол Елизавету Петровну – и это произойдёт. Причём и с теми, кто за неё попробует вступить. Хотя... нет, Лизу она не тронет, но вот всех, кто будет с ней – точно.

– Я всего лишь желаю трёх вещей. Первое – никаких связей с врагами нашего Отечества. Ни со Швецией, ни с Францией, – решительно произнёс я, поглядывая в сторону Лестока, а после посмотрел на того пожилого мужика, который то ли строит из себя самого мудрого, то ли таким является. – Ни с Англией.

Это, скорее, интуиция, но слово «Англия» и этот господин как-то органично соединились у меня в голове [Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был явным англофилом и состоял «на зарплате» у Англии, чего и не скрывал, не считая чем-то зазорным].

– А по себе ли шапку надели, сударь? Не жмет ли? – зло прошипел до того момента молчавший третий персонаж мужского пола.

Как сообщали мне, любовник Елизаветы должен тоже быть в доме. Возникал вопрос: который? Кстати, множественные половые связи Елизаветы играют для неё как раз-таки понижающим коэффициентом.

– Господа, Ваше Высочество, Мавра Егоровна, – пока всех перечислишь, умаешься. – Я не враг вам. Пока вы не стали врагом Отечеству моему возлюбленному, только лишь дружбы ищу с честными людьми. Но разве же можно упускать такую возможность для себя лично? Когда узнал, что один – французский шпион, иной уже сейчас у англичан берёт жалование, третий шведское войско на Отечество моё посылать желает... Как поступать велите?

Да. Вот так. Теперь они будут думать, кто же французский шпион, а кто у англичан деньги берёт... Узнал я этого мудреца с проступающими сединами. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин собственной персоной. Ну а Лесток... Тут нет сомнений, за кого он [в иной реальности у Бестужева и Лестока в какой-то момент разошлись интересы, и были доказательства работы на Францию у Лестока, хотя его осудили, скорее, за то, что называл Елизавету некрасивой]

И тут Елизавету Петровну будто осенило:

– Вы же Норов! Определённо вы – Норов! Герой войны. Тот, кто и на море викторию имел, и под Данцигом тако же викторию имел!

Хотелось спросить про эту Вику, что я и в море, и в Данциге. Экий я затейник!

– Ну и как? Обласканы ли вы государыней за подвиги ваши? То ли получили, что заслуживаете? – Елизавета Петровна пошла в атаку.

Её бюст как будто бы увеличился в размерах, глаза стали более выразительными, глубокими, жаль, ножек не видно из-под юбок. Было бы неплохо и их оценить.

Но отставить юмор! Нужно думать и не упустить то, что уже может быть рядом. Мне нужны ресурсы, мне нужен статус. Я должен стать человеком, который что-то решает. Хочу решать, потому что я знаю, сколько возможностей было похерено в этом времени. Россия могла бы многие вопросы закрыть еще до середины века, и потратить куда как меньше человеческих жизней во всех передрягах, что ее еще ждут.

– Анна Иоанновна как государыня вольна поступать по своему разумению. И я, как вы говорите, был обласкан ею, – отвечал я Елизавете, силясь не сделать такой желанный шаг назад.

Есть всё-таки в этой женщине какая-то энергетика. Достались Елизавете гены от великого отца. Словно бы осязаемая аура начала распространяться вокруг и сжимать меня. Очень хотелось сделать шаг назад, но я сделал шаг вперёд. Если есть нужда идти, то ступай вперед, хоть бы и с обрыва. Недолго, но это же тоже полет!

Сомнительные всё-таки образы приходят в голову.

– А я вот такого героя одарила бы... – Елизавета сделала паузу, добавив в свою ауру ещё и невероятное количество томного шарма.

От неё просто разило похоть. Но зря она на меня вот так... Может быть, на кого-то другого эти распутные намёки и возымели бы действие, околдовали бы человека, но не на меня. Не сегодня. Ведь свежи ещё воспоминания о другой женщине, с которой я был буквально этой ночью, с которой рассчитываю быть и ночью следующей. Да и не любил я никогда женщин, ненасытных в любви, что все ищут приключений на свою – э-э... Да с разными мужчинами.

Но что? Она про подарки? Так и в нынешнем своем статусе одарить сможет.

– Ваше Высочество, так ведь второе моё желание – иметь возможность влиять на ведение хозяйства в одном из ваших поместий. Сие не требование. Мне должно доверять новый уклад ведения дел. Доход сверх того, что приносило имение – мой, но уменьшения серебра для вас, поверьте, не будет.

– Наглец! Окаян ежовый! Подлюка! – залаял на меня Разумовский.

Он явно был не в своём уме, и нисколько теперь не соответствовал фамилии. Впрочем... Он был пьян.

– Ваше Высочество, позвольте наказать господина за резкие слова? – спросил я. – Лишь ваше светлейшее общество останавливает меня. Но я прошу, дозвоьте!

Бить Разумовскому морду в присутствии царевны – наверное, это уже полностью дискредитировать себя. Да и может драка начаться. Я почти уверен в том, что смогу не только отбиться от двух бойцов, но и вовсе при помощи своих людей положить здесь всех. Да, только двое мужчин и были способны меня поцарапать. Разумовский пьян, Бестужев – явно не боец. Но не хотелось перечеркивать забрезживший успех. Примут ли здесь мои требования, завуалированные под прошения?

Понятно, чего Розуму неймётся. Это же он должен быть сейчас управляющим всеми поместьями Елизаветы Петровны, а у нее хватает земли. Денег не хватает, а земли с людишками – навалом. Еще батюшка надарил.

– Сударь, простите Алексея Григорьевича, – мило улыбнувшись, сказала Елизавета Петровна. – Осерчал он. Но есть чего! Вы врываетесь ко мне, угрожаете... Но, я соглашусь. Коли доход поместья будет не меньше, чем ранее – то беритесь! А что же третье?

– Покорнейше прошу продвигать меня по службе. У присутствующих здесь господ, – я посмотрел в сторону Бестужева-Рюмина, – есть влиятельные друзья. Господин Апраксин воно как в чинах шагает!

– Экий наглец! – усмехнулся будущий, но пока только лишь потенциальный канцлер Российской империи Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

Но я не обращал внимания ни на него, ни на почти не слышное бормотание Разумовского. Я видел, как горели глаза Елизаветы. Я чувствовал себя Гришкой Орловым, который с Екатериной, прозванной в иной реальности Великой, вел себя аки мачо, этакий наглый жеребец. И она долго прощала. Так как была в нем сила, он ее поставил на престол.

Женщина чувствует сильного мужчину. Рассчитываю, что я теперь достаточно силен, чтобы Елизавета испытала желание спрятаться за мое плечо. Защищу ли? Вопрос, и связан он с желанием это делать.

– А вы, Норов, возлюбите меня, как царевну. Коли потребуется службу сослужить, то всё непременно сделаете требуемое, – выставила свои условия Елизавета Петровна. – Тогда можем говорить и о том, чтобы в службе преуспевали. Там за вас скажут, тут имя напомним. Ну и вы не робкий, геройский рыцарь. Еще покажете себя. Ведь я права?

Я был готов к этому повороту. Прекрасно понимал, что просто лишь нажимом, шантажом я добьюсь намного меньше, чем шантажом и хитростью, обещаниями, которые буду выполнять, но лишь в угоду собственному мнению. Я служу России! Точка! Кто будет править? Важно, так как присяга для меня не пустой звук.

Сторону в будущих интригах у трона я не выбрал. Нет, есть выбор по умолчанию. Я выбираю службу России, ну и возможности, чтобы моя служба могла влиять на Отечество. Для этого, именно для этого мне нужны чины и некоторая власть. А в остальном... Разберемся, надеюсь, что время у меня есть.

Но было бы неплохо попробовать сыграть свою игру, не за кого-то лично, но быть за всех. А вот силушки набраться и... Поживем еще, посмотрим, как оно сложится.

– Верю, Ваше Высочество, что о чём бы вы ни попросили – всё будет лишь на благо Отечества нашего, – сказал я. – А Отечеству я служить рад.

И в этих словах было немало намёков, которые умный человек должен услышать.

Во-первых, дабы не повелевать мной, а просить меня. Во-вторых, я оставлял за собой решение: будет ли то, о чём попросит Елизавета Петровна, благом для Отечества.

– На сём условились. Но что же в той записке? – сказала Елизавета Петровна, выражая этим всеобщее недоумение.

– Сушая безделица, государыня, не достойная ваших царственных ушек, – отвечал я.

– Экий наглец! – явно с восхищением сказала Елизавета.

– Извольте сообщить, что быть в записка! – уже громко потребовал Лесток.

– Господин... МЕДИКУС, не истинно ли, что в этой комнате есть царевна? И что она скажет, то я исполню! – сказал я и бросил злобный взгляд на Лестока.

Француз посмотрел на Елизавету. А она, как мне казалось, наслаждалась ситуацией. Мальчики спорят из-за девочки. Ещё и подерутся сейчас. Какой ужас, наконец-то, продолжайте! Наверное, что похужее должно твориться в этой рыжеватой головке.

– Нет, не сообщайте, господин Норов. И вовсе не было никакой записки. Или была, но амурного содержания. А истинный кавалер ни в коем разе не выдаст тайны любви! – и таким голосом это было сказано, словно Лиза уже обнаженная, готовая... шептала мне это на ухо.

Случилась пауза, и мы смотрели в глаза друг другу. Но... я улынулся и отвернулся. На тебе! Знай наших! А еще... томись в неизвестности, думай обо мне, почему же, да натвердо ли отказал.

– И под вашим началом, господин Норов, есть измайловские гвардейцы? Вы же измайловец? Что-то припоминаю, довелось услышать о вас, – с задумчивым видом спрашивал Бестужев-Рюмин, возвращая разговор в нужное русло.

– Капитан Измайловского полка Александр Лукич Норов! – не без гордости отрекомендовался я.

– Стало быть, рота Измайловского полка наличествует, – недвусмысленно намекал всё тот же Бестужев, ещё больше теперь походивший своим видом на мудреца.

Салага! Сколько ему? Пятьдесят? Меньше даже. Правнук мне, а все туда же... Мудрствует! Я не стал подтверждать то, что уже очевидно. Капитан гвардии, если это только не церемониальное назначение, должен иметь под своим началом роту солдат.

Понятно было и другое – что нынче в мыслях Бестужева-Рюмина. Судя по реакции на его слова и у остальных, страхи перед моим проявлением сменились радостью от удачи. Наверняка у заговорщиков есть свои люди и в Преображенском полку, и в Семёновском, а вот измайловцы должны стоять им словно кость в горле. Они – «свежие» гвардейцы, в основном, из малороссов, ну и курляндских немцев, в меньшей степени – кого-то русского. Даже я, как выясняется, происхождением не совсем русский. А вот тут стоп! Русский я, и точка!

Когда я обдумывал операцию, то рассчитывал на подобную реакцию собравшихся. Нельзя было брать в расчёт исключительно страх людей перед тем, чтобы оказаться обличёнными в заговоре. Получился своего рода «кнут и пряник». С одной стороны – я вламываюсь на их собрание; с другой же стороны – в глазах собравшихся людей я словно предлагаю свои услуги и назначаю цену за них.

Я начинаю свою игру, осознанно или не очень, но как только взял в свои руки табакерку – сразу же стал фигурой в политических интригах. Это и вынужденная мера, и мое желание. Вот только довольствоваться тем, что я – разменная пешка на шахматной доске, не хочу. Я повысил и ставки, и величину собственной фигуры. Ферзём не стал, но конём – вероятно. Тем более, что и ход мой был нелинейный, я обошёл и перепрыгнул другие фигуры, как и положено играть за коня на шахматной доске.

– Господин Норов, в следующий раз буду признательна вам, если оповестите о своём визите. Я тогда буду рада видеть вас, – сказала Елизавета Петровна, чуть наклонясь, выпячивая свои полушария женских достоинств.

Разумовский ещё что-то там пробурчал – тихое и явно оскорбительное. Но я посчитал возможным сделать вид, как будто не услышал. Вот только своё наказание Алёшка Розум, пусть и отложенное, заработал. Раза два по почкам и разок по печени при случае пастуху будут организованы. Сейчас же любое насилие только обесценит напряженный разговор.

– В таком случае, Ваше Высочество, позвольте откланяться! – сказал я и намеревался уже и вправду развернуться и уйти.

– Вызов! Я вызываю вас! – прокричал Шувалов.

Да что же ему неймётся? Договорились же!

– Командир, все ли добре? – в дверях показался Кашин и двое бойцов.

Еле сдержался, чтобы не усмехнуться. Раньше нужно было продемонстрировать, что есть бойцы, которые готовы хоть бы и Елизавету приглубить по моему приказу. Правда, я сильно сомневался, что Кашин вообще узнал в опешившей женщине царевну. Нехорошо, конечно, в

некотором смысле, использовать своих людей в темную. Но есть такие моменты в жизни и в службе, которые нижним чинам лучше в подробностях не знать.

Не так, конечно, как декабристы обманывали солдат на Сенатской площади, сказав некоторым из них, что у Константина жену зовут Конституция, поэтому и стоит выкрикивать это слово. Но все же...

– К вашим услугам, сударь. Присылайте секундантов! – с явным сожалением в голосе сказал я, потом развернулся в сторону Елизаветы Петровны и развёл руками – мол, не хотел, но так вышло.

– Ваше Высочество, – я поклонился. – Могу ли я надеяться на аудиенцию с вами?

И даже Елизавета, которая только что флиртowała, демонстрировала себя, и та остолбенела. Я же не посчитал ошибкой ту формулировку вопроса, что прозвучала. Хотя первоначально я хотел спросить о разговоре. Ну а уж если все поняли мои слова, как желание близости с царевной, произнесенное прилюдно... Так и ладно. Один же раз живем! Вот ты ж! Опять забываю, что в этом правиле, как оказывается, есть исключения – кому-то достаётся жить и второй раз.

– Да, нам будет что обсудить, – с каменным, а скорее, мраморным, но прекрасным лицом, сказала первая красавица России.

Только выйдя за дверь и закрыв ее, я почувствовал, насколько у меня взмокла спина. Наверное, самым тяжёлым было выдержать с достоинством манипуляции, скорее всего, неосознанно совершаемые Елизаветой Петровной.

Она – поистине великая актриса! С другой стороны, столько лет быть рядом с тронem, под постоянным подозрением, что она усадит свою прелестную попчатку на этот стул – и всё равно выживать и даже сколачивать свою команду... Без особых навыков, может быть, даже и природного дара – подобное не проверить. Даже если есть высокопоставленные покровители.

Они – покровители лишь до тех пор, пока ещё есть фигура Елизаветы, пока она для некоторых своего рода знамя, символ. А перестанет царевна постоянно угрожать трону – то окажется неинтересной и в одиночестве. Нет, Лешка Розум останется рядом и тогда.

– Уходим! – сказал я Кашину, который контролировал четырёх связанных казаков у выхода из дома.

Те, конечно, недобро зыркали на нас. Но уж на эти взгляды точно было плевать. Они без команды хозяев не станут кусать. Ну а поступит приказ, так разве же мы беззубые? Нет. Постоим за себя.

Мы спешно шли к трактиру, словно проводили стратегическое отступление в самых что ни на есть фронтовых условиях. Я давал инструкции своим бойцам, что и как делать, как нести по ночам дежурство, и что за это последует освобождение на следующий день от службы на полдня.

Я уже заранее договорился с трактирщиком Францем о том, что в пяти свободных комнатах на его постоялом дворе будут проживать мои бойцы. Теперь всему плутонгу нужно держаться вместе. А потом, когда мне всё-таки дадут роту – и если получится и из этих людей сделать мне своих – то как бы не пришлось начать строительство собственной казармы.

Звучит как-то по-дурацки, ведь я не должен и не обязан этого делать. Но разве есть что-то в мире, что может одновременно и скреплять отношения людей, или же эти отношения, напротив, разрывать, вернее, чем общежитие, общее житьё?

Я думал именно об этом, когда мы уже подходили к трактиру. Необходимо добиться того, чтобы все подчинённые мне люди проживали рядом и пребывали в должной дисциплине. Так и вижу, как мы все дружно выходим во двор нашего дома-казармы, вокруг – турники, брусья, тяжёлые брёвна, камни, соломенные чучела – и начинается зарядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.